

Совсем недавно, в эпоху «развитого социализма», стремление узнать своих предков не приветствовалось. Поэтому у нас в семье эта тема никогда не поднималась. Отец, проживший эти нелёгкие 89 лет жизни, добропорядочный, уважаемый близким окружением, ни разу не обмолвился о прежней жизни: семье, детстве, родственниках, да и дальнейшая жизнь была у него нелёгкая, а родился он в 1901 году в станице Федосеевской, в семье донских казаков. Мама родилась в 1910 году в семье священника, в станице Васюринской на Кубани, в 30 км от Краснодара. И тоже не рассказывала нам о своих родственниках и предках, разве что в последнее время — и то немного. Её отец, Тихон Гаврилович Алексеев, служил протоиереем в станичном храме, её мать — в девичестве Мария Ильинична Браткова. У них были дети: трое сыновей — Георгий, Лев и Павел, пятеро дочерей —

Елена, Галина, Антонина, Анна и Мария (моя мама). Их отец, Тихон Гаврилович, построил кирпичный дом в 1912 году для своего большого семейства, который и сейчас служит станичникам — уже более 100 лет в нём находится станичная почта, а станице Васюринской уже более 200 лет. На этом доме есть мемориальная доска, повествующая, что в этом доме останавливались известные генералы царской армии — М. В. Алексеев, Л. Г. Корнилов, А. И. Деникин. Ещё — три года в этих местах шли тяжёлые бои. И когда здесь устанавливалась Советская власть, то трижды арестовывали нашего деда Тихона Гавриловича — священника, но, поскольку он пользовался у станичников уважением и авторитетом, они его спасали от расправы. Много невзгод и перипетий пережила эта семья во время революции и Гражданской войны: голодомор 1932–1933 годов, репрессии... Погибли сыновья —

Миренкова Зинаида Георгиевна окончила школу имени С. Т. Шацкого в Обнинске в 1954 г., Московский институт инженеров аэрофотосъемки, геодезии и картографии в 1954-м. Работала при отделах главного архитектора в городах Керчи, Обнинске, Электростали. Закончила трудовую деятельность в Минавтопроме.

Георгий, Лев, а младший Павел вынужден был уехать на чужбину — в г. Харбин и умер в 28-летнем возрасте в Шанхае.

Тяжела судьба, но глубокие душевные силы и православная вера помогли им всё преодолеть и оставить после себя достойное потомство, которое трудилось и продолжает трудиться. Среди них были педагоги и врачи, музыканты и юристы, инженеры и дипломаты.

И только с наступлением «перестройки и гласности», с появлением печатных изданий дореволюционного периода и первых лет становления новой власти, перед нами стала вырисовываться наша история в более правдивом свете. И поскольку наши предки были очень достойными людьми, мы узнали много о них интересного именно из этих книг и архивов. И наш долг — узнать о них как можно больше, гордиться ими и передать эту память грядущим поколениям. Наш отец родился в семье известного казачьего рода: его отец, Пётр Никитович Шарапов, 1863 г. р., мать — Анна Максимовна, в девичестве Каледина, 1872 г. р. У них были дети: четверо сыновей — Александр, Константин, Георгий и Клавдий и две дочери — Лариса и Фаина.

Род Калединых берёт своё начало от Дмитрия Каледина, прапрадеда Алексея Максимовича Каледина, в Войске Донском известном издревле, равно как и родовой Калединский хутор с одноимённым названием в Усть-Хопёрской станице. И правильное произношение этой фамилии — с ударением на слог последний. Фа-

милию героя Первой мировой войны и первого в XX веке избранного Донского атамана Алексея Максимовича Каледина исказили не случайно. Так же как и фамилию другого казачьего генерала — Константина Константиновича Мамантова, во всех советских словарях прописанного как Мамонтов, и многих-многих других.

История казачества, в том числе донского, мало изучена, к тому же донской архив, владевший ценными материалами по данному вопросу, сгорел в Черкасске в 1744 году, а как раз в этот период и во второй половине XVII века на юге России происходит присоединение Новороссии и Крыма к Российской империи после успешных русско-турецких войн 1768–1774 и 1787–1792 гг., где не последнюю роль играли донские казаки, служившие с честью около четырёх веков Московскому государству, своей доблестью и рыцарской храбростью известные всему миру.

В войне против Наполеона в 1812 г. наш предок с XVII века Дмитрий Каледин (являющийся основателем рода), не участвовал, а вот его сын Максим с сыновьями и внуками были участниками той войны — в Донской армии атамана М. И. Платова. Сам Максим Каледин и два его внука погибли в этой войне. А в 1815 году четыре его сына: Василий, сотник, Макар, Семён и Прохор — поселились на дедовском зимовнике и были первыми поселенцами на хуторе, поэтому хутор и был назван — Каледин. Первые свои дома поселенцы Каледины построили из дубовых пластин. Простояли эти дома долго.

Усадьба Калединых, где и появился на свет будущий атаман Войска Донского, находилась в самом конце хутора. Ныне от неё не осталось ничего, кроме старого колодца, сохранившего свежую воду до сегодняшнего дня. В 30-х годах XX века дом был снесён. Хутор Каледин был переименован в хутор Блинов в 1933 году — по имени малоизвестного красноармейца, жившего в этом хуторе, вскоре убитого. А как бы хотелось приехать на хутор Каледин и поклониться этому святому месту и дому, которые взрастили и воспитали столько славных патриотов — героев своего Отечества! Вот их послужные списки... Участие в Отечественной войне 1812–1814 гг., в Крымской войне 1853–1856 гг., в Русско-Турецкой войне 1877–1878 гг., в Венгерской кампании 1849 г., в Польской кампании 1863–1864 гг., участие в боях и сражениях по защите границ от нападавших соседей, претендовавших на русские земли и Державный престол.

Поработав в архивах и библиотеках Москвы, Ростова-на-Дону и Волгограда, узнав свои корни, хотелось больше узнать о Первой мировой войне 1914–1918 гг. и Гражданской войне 1917–1921 гг. В декабре 2015 года я поехала в г. Новочеркасск — столицу донского казачества, где посетила музей истории донского казачества и мемориальную комнату донского атамана Алексея Максимовича Каледина. Удалось приобрести и литературу о Донском казачестве — краеведческие записки 2005 г., 2009 г., а в выпуске 2020 г. оказалось около

пяти статей, посвящённых А. М. Каледину. Даже в наше время, через 100 с лишним лет, многих интересует эта неординарная личность... Очень интересной оказалась выпущенная в 2011 г. С. П. Чибисовой книга — «Генерал А. М. Каледин, фронтовые письма 1915–1917 гг.», где описаны не только проводимые военные операции и сражения, но и политическая и общественная атмосфера как в России, так и в других странах-участницах войны.

Посетив в декабре 2016 года восстановленное в Москве 11 мая 1990 г. Историко-родословное общество (основанное ещё в 1904 г. русским генеалогом Леонидом Михайловичем Савельевым), я продолжала работать в архивах и библиотеках, при этом посещала Общество потомков участников Отечественной войны 1812–1814 гг. и Общество потомков участников Первой мировой войны 1914–1918 гг. Получив удостоверяющие документы и свидетельства моих родственных связей с участниками военных событий, была принята в члены этих обществ. Я также посещала ежемесячные семинары историко-родословного общества, где давалась полезная информация для продолжения этой работы.

Наши предки участвовали в войнах, проявляя героизм, и имели высшие награды. Так, мой прапрадед (служил в Донском полку атамана Платова), дошёл до Парижа, вернулся без ноги, за что был причислен к дворянскому сословию. Выступала на заседаниях этих обществ с ин-

формацией о значительной роли казачества во время военных действий в России и за её пределами. По выражению Л. Н. Толстого «...вся история России сделана казаками». А в 1914 году началась Первая мировая война, в которую было втянуто 37 стран.

От славного рода Калединых в этой войне участвовали: генерал от кавалерии А. М. Каледин, старший брат его — генерал-лейтенант В. М. Каледин и пятеро их племянников. Многие из них имели тяжёлые ранения и высокие российские и иностранные награды.

Когда в феврале 1917 года произошла революция, повлёкшая за собой развал армии из-за появления солдатских комитетов, генерал А. М. Каледин не мог согласиться с этим и вынужден был покинуть армию и, имея тяжёлое ранение, уехал на лечение в Новочеркасск. В это время там проходили выборы донского атамана. Этим атаманом после 200-летнего перерыва (со времени правления Петра I) был избран генерал А. М. Каледин, Георгиевский кавалер и награждённый Георгиевским оружием. Но в период Гражданской войны, начавшейся после захвата власти большевиками 25 октября (7 ноября) 1917 года, Каледин стал негоден новым вождям страны, и они решили его убрать с политической арены.

Первое покушение организовал ещё председатель Временного правительства Керенский, но любимый казаками Каледин был ими спасён от смерти. Второе покушение было организовано руководством боль-

шевиков, оно также не достигло своей цели. А вот третье покушение, организованное его близким окружением и помощниками, состоялось и было инсценировано как самоубийство. И новое правительство было счастливо от такого сообщения, Ленин воскликнул даже: «Ура! Ура!» И расследование не было проведено — да и кто будет разбираться, когда страна была в пламени войны... Но в последнее время мною было найдено много дополнительного материала, который я и предлагаю внимательно прочитать и сделать свои выводы.

Из многочисленного рода Калединых, во время геноцида (особенно донского и кубанского казачества), по указанию Я. Свердлов и Л. Троцкого, было уничтожено большинство родственников на территории России, а также находящихся в эмиграции. Некоторые рассеились по огромным просторам нашей необъятной страны — один из племянников Каледина проживал в Ленинграде, где умерла вся его семья во время блокады 1941–1942 гг., кто-то умер в Болгарии, кто-то оказался в Америке. Православная церковь, похоронив А. М. Каледина вблизи храма на территории кладбища, признала гибель атамана Каледина жертвой во имя Отечества...

Тяжёлым плугом перепахала русскую землю социалистическая революция рабочих и крестьян 1917 года. В результате Россия понесла невосполнимый социальный и интеллектуальный урон. Из всех сословий больше всего пострадало

многочисленное и авторитетное Донское казачество, которому фактически был объявлен геноцид. Начинаясь он с уничтожения ключевых фигур — убрали казачьих атаманов. За короткий период, с 29 января по 18 февраля 1918 года, были убиты три лучших представителя казачества — три законно избранных казачьим кругом донских атамана, утверждённых на основании дополнения в мае 1917 г. в Основы управления областью Войска Донского о праве выбора казачьего атамана. Атаманы Е. А. Волошинов (1881–1918) и А. М. Назаров (1876–1918) были расстреляны без всякого суда и следствия.

Генерал от кавалерии А. М. Каледин (12.10.1861–29.01.1918) Первую мировую войну прошёл от командира 12-й кавалерийской дивизии до командующего 8-й армией. Послуживший Донскому казачеству на посту атамана около восьми месяцев, в смутное время Гражданской войны он пытался остановить братоубийственную войну на Дону и пережил два готовившихся на него покушения. При подготовке третьего трагически погиб.

Не безразлична потомкам и соотечественникам судьба и загадочная смерть этого незаурядного человека. Все эти годы его смерть представляется как самоубийство, к тому же эта версия была очень выгодна для новой власти. Но смерть его была настолько неожиданной и для ближайшего его окружения,

и для русского общества, возлагавшего на него надежду в деле спасения России в сложный период её истории на рубеже двух войн, что многие не верили и не верят до сих пор в самовольный уход из жизни. А г. Новочеркасск, где это случилось, был в трауре, он горячо любил своего атамана, своего заступника и очень торжественно проводил его в последний путь, прощаясь с ним во Всехсвятском Войсковом Патриаршем соборе. Панихиду отслужили два архиерея и священники — а хоронили-то «самоубийцу», вот они — парадоксы истории...

Газета «Вольный Дон», от редакции: «Вчера, в день погребения войскового атамана А. М. Каледина, во многих казённых и частных учреждениях и учебных заведениях занятия в знак траура не происходили...» Это было признание огромного авторитета А. М. Каледина широкими народными массами...

Необходимо также отметить, что в литературе, посвящённой Алек-

Выписка из метрической книги Симонской церкви Атаманского круга о смерти войскового атамана А.М. Каледина. 20 июля 1918 г. ЦДРП

Выписка о смерти Каледина А.М.

сею Максимовичу Каледину, почти в каждом издании пишут о том, что его младший брат Мелетий (1874 г.р.) в раннем возрасте то ли с лошади упал, то ли застрелился; то есть готовят читателя к этой выдуманной версии и по отношению к Алексею Максимовичу Каледину. Но эту версию нужно опровергнуть, если посмотреть архивные данные послужного списка его младшего брата. Мелетий Максимович Каледин окончил ДИАЗКК, произведён в портупей-юнкера и служил в г. Харбине при штабе корпуса заамурского, отдельной пограничной службы 2-я бригада, инспекторское отделение. «РАПОРТ. Доношу, что младший офицер 4-й батареи штабс-ротмистр Каледин Мелетий 11 августа в 5ч. 30 мин. скончался в центр. б-це Китайской Восточной железной дороги от брюшного тифа. Служил 10 лет, 26 дней. Служба с 30 авг. 1893 г. по 1903 г. Родился 1 февр. 1874 г. Из дворян Донского Войска, Усть-Хопёрской станицы. Жена Каледина — Евг. Петрица в Харькове, ул. Гончаровская, д. 7, выбыла в Манчжурию 10 апр. 1903 г. Сын Михаил родился 14 февр. 1901 г.» (1)

А. И. Петровский в статье «Из воспоминаний об А. М. Каледине» (2), указывая на незаурядные способности генерала в Первой мировой войне, в конце статьи пишет: «В последний раз я виделся с А. М. 17 января, за 12 дней до его смерти. Я пришёл к нему от лица союза общественных деятелей. Когда я всмотрелся в лицо атамана, по обыкновению любезно встретившего меня, у меня упало

сердце: в глазах выражалась страшная смертельная усталость... Когда раздался выстрел, лишивший Дон и Россию Каледина, я понял: это было отчаяние. (Печатаемая статья А. И. Петровского, редакция считает своим долгом заявить, что она не склонна рассматривать самоубийство А. М. Каледина как акт отчаяния и считает это субъективным мнением А. И. Петровского.)» Хочется поддержать мнение редакции и сказать: если бы все смертельно уставшие люди кончали жизнь самоубийством, быстро бы опустела земля. И таких статей и мнений в то тяжелейшее для России время было множество — видимо, нужно было инициаторам «перестройки» Российского государства создать и укрепить общественное мнение в самоубийстве этого ярчайшего патриота своего отечества, Георгиевского кавалера, героя одного из самых известных русских наступлений Первой мировой войны — Луцкого прорыва, закончившегося полным разгромом австро-венгерской армии в мае 1916 года, совершённого 8-й армией Юго-Западного фронта под командованием генерала от кавалерии Алексея Максимовича Каледина.

К тому же архив в 1920–1945 гг., касающийся этой личности, был за рубежом — известный Пражский архив. Здесь надо отдать должное его горячо любившей и преданной супруге Марии-Елизавете Петровне Калединой, урождённой Ионер — француженке из Швейцарии. На протяжении всей жизни она собирала все материалы, касающиеся его слу-

жебной деятельности. Собранный материал, включая переписку, сумела в 1920 году переправить за рубеж с его племянником, Г. Н. Калединым. В дальнейшем эти документы были переданы в Пражский архив, который в 1945 году был возвращён в СССР. Поэтому даже его ближайшее окружение — его соратники, оказавшись в эмиграции, не располагали материалами о его службе в период войны и атаманской службы на Дону, архивные материалы 20–30-х годов были закрыты вплоть до 90-х. Поэтому и в зарубежных источниках об А. М. Каледине, написанных со слов или в воспоминаниях, поддерживались версии как убийства, так и самоубийства.

В советских справочных энциклопедических изданиях сведения об А. М. Каледине давались в искажённом виде. В частности, читаем в советской энциклопедии: «Каледин Алексей Максимович — 1861–1918 — генерал царского времени, заклятый враг Советской власти, лидер донской контрреволюции. Окончив в 1882 году Михайловское Артиллерийское училище, служил в разных воинских штабах. С первых дней Мировой войны Каледин находился на фронте, командовал до мая 1916 года двенадцатым корпусом, потом до февраля-марта 1917 г. — восьмой армией. После ряда поражений восьмой армии, Каледин 6 мая 1917 года был отстранён от должности командующего и переведён на работу в Военный Совет. Однако скоро Каледин уехал на Дон, в Новочеркасск, где 26 мая на пер-

вом же Войсковом Круге был избран Войсковым наказным атаманом Войска Донского. После Великой Октябрьской революции Каледин начал гражданскую войну против Советов и входил в состав “триумвирата Алексеев — Корнилов — Каледин”, который должен был возглавить области будущего стратегического влияния Добровольческой армии. Под влиянием краха своего контрреволюционного выступления, Каледин 6 января 1918 года кончил жизнь самоубийством». (3) Для тех, кто читал и знает биографию А. М. Каледина, комментарии излишни: ни одной правильной даты, зато щедро полит грязью... Подобные публикации и до сегодняшнего дня остаются на страницах многих российских изданий и в энциклопедических словарях — их никто «не отменял».

К тому же в то скорбное для России время — время войн, разрухи и хаоса в стране, время чудовищного геноцида казачества — многие покидали свои родные края, искали спасения, уезжая в центральные области страны или в эмиграцию. До того ли было — разбираться в смерти А. М. Каледина? Войсковое правительство тут же — после этой трагедии — исчезло из города. А предполагаемые убийцы, взвесив сложную ситуацию перед занятием г. Новочеркаска красными отрядами, действовали быстро, ловко и решительно, и через полчаса после смерти Каледина уже лежал в цинковом гробу для своего последнего земного пути...

А вот и Выпись из метрической книги, часть третья, об умерших за 1918 год.

«Войсковой Наказный Атаман войска Донского, генерал от кавалерии Алексей Максимович Каледин, 56 лет, скоропостижно умер от огнестрельного выстрела, — 29 января 1918 г., погребение совершено 31 января 1918 г. Погребение совершил священник Митрофан Прокопьев с диаконом Виссарионом Иванóвичем на городском кладбище, по разрешению Донской Духовной Консистории на имя товарища Атамана Богаевского от 30 января 1918г за № 1421. Выпись сия удостоверяется подписью и приложением церковной печати. № 22, г. Новочеркасск, июля 20 дня 1918 года Священник МИТРОФАН ПРОКОПЬЕВ. Выпись из метрической книги Симеоновской церкви Атаманского дворца о смерти войскового атамана А. М. Каледина. 20 июля 1918 г. ГАРО».

В наши дни появилась статья на «Русской линии» широко известного общественного деятеля, глубокоуважаемого Александра Николаевича Алекаева об А. М. Каледине: «Оболган и забыт». Наверное, это не случайно, но закономерно: наши современники помнят достойных предков, гордятся ими и хотят знать о них правду. 25 октября 2020 г., в день 159-летия со дня рождения Алексея Максимовича Каледина, усилиями общественных деятелей и патриотов земли русской был установлен киот в честь его небесного покровителя — святителя, патриарха Московского Алексия во Всехсвятском Войсковом

Патриаршем соборе г. Новочеркасска.

Среди зарубежных архивов, воспоминаний его современников найдены дополнительные воспоминания, написанные в 1972 г. в далёкой Америке и проливающие свет на те события 1918 года, которые мы можем считать организованным жестоким убийством. Эту версию подтверждают также исследования наших историков-краеведов периода выборов донского атамана (июнь 1917 г.) и начала Гражданской войны. Попробуем всё-таки разобраться в событиях тех далёких дней — даже через сто с лишним лет...

Часть 1

Алексей Максимович Каледин — человек чести и долга. Талантливый полководец на фронтах первой мировой

Прошло более 103 лет со дня смерти доблестного патриота Российского государства, одного из вид-

Фотография А.М. Каледина после Луцкого прорыва

ных военачальников Русской Императорской Армии, — Алексея Максимовича Каледина. «Он был одним из лучших генералов Русской армии, высокоблагородная личность, исключительно сильный человек, крупный государственный ум», — так отзывался о нём военный историк, профессор, генерал Н. Н. Головин (4). — Непосредственно под руководством А. М. Каледина, назначенного два месяца назад командующим, 8-я армия Юго-Западного фронта выполнила в мае-июне 1916 года Луцкий прорыв, — самую значительную по масштабам и участвовавшим войскам наступательную операцию Первой Мировой войны, имевшую стратегический характер. Атака 8-й армии была блестяще подготовлена и так же блестяще выполнена под руководством генерала Каледина».

Из рассказа Виктора Севского, гл. редактора журнала «Донская волна» (№ 2, с. 7–10), следует, что «один из казачьих офицеров рассказывал о докладе Каледина Ставке по поводу операций под Луцком, знаменитого Луцкого прорыва, давшего Каледину боевое имя. Громадный доклад поражал знанием военного дела, деталями местности. Всё было предусмотрено, все взвешено, всё вычислено — и тогда только “с холодной головой” Каледин бросил свою 8-ю армию в бой. Но в то же время Каледин не был тем генералом, у которого “первая колонна марширует туда, вторая колонна — сюда”, а сам генерал сидит за 100 вёрст от армии». (5)

Не менее яркими были подвиги, совершённые им в первые меся-

цы войны. Свой Георгий 4-й степени и Георгиевское оружие Алексей Максимович получил в течение одной недели, за августовскую Галич-Львовскую операцию — составную часть Галицийской битвы 1914 г. Подвиг, достойный ордена Святого Георгия 3-й степени Каледин совершил в начале 1915 г., когда 16 февраля получил тяжёлое ранение, наблюдая в бинокль за ходом боя, стоя, по обыкновению, во весь рост у дерева на открытом месте.

Главные подвиги, создавшие ему мировую славу как первоклассного тактика и стратега, вписали имя Каледина в страницы не только русской, но и мировой военной истории. Кроме вышеперечисленных успешных и рискованных операций, А. М. Каледин, командуя 8-й армией, выполнил победоносное сражение под Луцком, продвинувшим фронт своей армии (протяжённостью 22 км) в течение трёх дней почти на 60 км и захватил г. Луцк, уничтожив при этом 4-ю австрийскую армию эрцгерцога Фердинанда и австро-германскую группу генерала Линзингена. Были взяты огромные трофеи и большое количество пленных — офицеров и солдат. На следующий день неприятельский штаб был засыпан паническими телеграммами с фронта, а с 7 июня и к немцам стали поступать телеграммы о необходимости немедленной поддержки.

Первый результат операций русской армии на Юго-Западном фронте: наступление противника в Италии было немедленно остановлено. Италия была спасена от разгрома,

а сама операция эта в дальнейшем оказала громадное влияние на ход событий не только на всём Восточном фронте, но и на фронтах всей Мировой войны. Тяжёлая ситуация сложилась у союзников под Верденом. Начавшаяся в феврале 1916 г. Верденская операция могла стать «жерновом, который должен был перемолоть французскую армию» путём постепенного систематического уничтожения всех резервов, материальных средств и живой силы союзников, накопленных в течение передышки, которую летом и осенью 1915 г. своей кровью и потерей большой территории им обеспечила русская армия. Русское высшее командование было засыпано настойчивыми требованиями о переходе русской армии Юго-Западного фронта в наступление. После такого неожиданного разгрома австро-германских сил в Италии и Франции германское командование принуждено было снять и перебросить в июне против 8-й армии: 1) 36 германских дивизий, из них 11 – с Французского фронта; 2) 9 австрийских дивизий, из них 6 с Итальянского фронта; 3) 7 турецких дивизий с Салоникского фронта.

Говоря об исключительной роли 8-й армии в наступлении Юго-Западного фронта, советский полковник М. Рождественский признаёт, что «атака 8 армии на участке главного удара была блестяще подготовлена и также блестяще выполнена, артиллерийская и инженерная подготовка была произведена с тща-

тельностью, необычной для русского высшего командования, сосредоточение превосходных сил в пункте главного удара обеспечило последнему такую силу, что результаты наступления превзошли ожидания... Оперативно-тактический успех 8 армии Юго-Западного фронта не вызывал сомнений». (6) Это самое масштабное, самое значительное сражение Первой Мировой прославило русское оружие и помогло сохранить французскую и итальянскую армии. На фронт к Каледину приезжали представители военных миссий этих государств с выражением благодарности от своих народов за спасение их армий...

В своих письмах с фронта жене А. М. Каледин пишет (7) «...за эту операцию, с 22 по 28 мая, являющуюся законченным эпизодом, я могу, что бы ни случилось, гордиться, как блестящей, очень крупной победой. Мы к ней готовились 2 месяца, но результаты превзошли ожидания. В армии, благодаря победе, страшный подъём духа. Да и на всей России это отразилось. Таким образом, ты можешь быть спокойна за своего мужа: слава Богу, я исполнил свой долг перед Родиной и взамен моего назначения, вызвавшего так много толков и зависти, дал Отечеству победу. Перед началом операции ко мне в Армию приехал помощник Итальянского военного агента; сегодня он уехал; он в полном восторге от всего увиденного и называет операцию классической. Темп войны, несомненно, будет возрастать после зимней спячки, стращнутой

нашим громовым ударом. Мы будем свидетелями грандиозных боёв, где разразится вся энергия, накопленная долгим стоянием на месте. Будем надеяться, что Бог даст нам победу. Ставке, дающей сведения для газет, по-видимому, неизвестна моя скромная фамилия, ибо она упоминает в своих бюллетенях о генералах Лечицком, Щербачёве, а меня игнорирует. Говоря честно, мне это безразлично; но для удовлетворения тебя скажу, что роль моей армии в начале операции была наиболее важная. Также победа моей армии имела наиболее грандиозные последствия. Из общего числа пленных, взятых всеми армиями Брусилова в первую неделю, что-то около 106 тысяч (в газетах объявлялось), — на долю одной моей приходится 1.178 офицеров, 64.859 нижних чинов и огромные трофеи».

Такие подробные письма вызваны необъективной и даже отрицательной оценкой Главнокомандующим Юго-Западным фронтом ген. Брусиловым деятельности Каледина. По мнению военного историка, профессора Н. Н. Головина, Брусилов завидовал полководческому таланту и авторитету Каледина в войсках и всячески его принижал, будучи его начальником. Даже задерживал награды Каледина — подвиг, достойный ордена Святого Георгия 3-й степени, Каледин совершил в начале 1915г., когда его 12-я дивизия вела наступление на Ужгород, прорвав полосу обороны противника у местечка Лутовиско под Калушем,

награждение же последовало спустя семь месяцев — 3 ноября 1915 года, а после Луцкого прорыва — главного героя сражения А. А. Брусилов вообще обошёл наградами. Но император Николай II за блестяще проведённую операцию повысил Каледина в чине, он получил звание генерала от кавалерии.

Генерал А. И. Деникин (8) также писал, что 12 дивизия под командованием Брусилова ничем не выделялась, а под руководством Каледина — гремела победами; то же было и с 8-й армией в 1914 году, когда ею командовал Брусилов, и от разгрома австрийцами её спасал Каледин со своей 12-й дивизией. Моральная обстановка у Каледина на фронте была очень напряжённой.

Интересно отметить, что советские военные историки, описывая действия 8-й армии, наносивший главный удар и прорвавший австро-венгерский фронт в направлении на г. Луцк, рекомендуют командному и начальствующему составу Красной Армии изучать эти действия, но нигде не называют имени А. М. Каледина — командира этой самой 8-й армии.

Имя А. М. Каледина стало известно за пределами России. 15 июня Главнокомандующий генерал Брусилов, у которого на всём Юго-Западном фронте не оказалось достаточных сил для развития успеха 8-й армии, отдал приказ приостановить наступление с целью произвести перегруппировку. Наступательная роль 8-й армии закончилась. Входящие в состав Юго-Западного фронта 7-я,

9-я и 11-я армии во время Луцкого прорыва играли роль второстепенно-вспомогательную. Брусилов в своих воспоминаниях считает Луцкий прорыв «грандиозной победоносной операцией», которая не дала стратегических результатов по вине генералов Эверта и Куропаткина, не поддержавших 8-ю армию. Если бы, — пишет Брусилов, — в июле Западный и Северный фронты навалились всеми силами на немцев, германцы были бы безусловно смяты». (9)

Результатами грандиозной победоносной операцией никто не воспользовался, «а между тем — это повело бы за собой выход из войны Австро-Венгрии, и к концу того же года Первая мировая война приняла бы совершенно другой оборот». Главкоюз ген. Брусилов, подчеркнув, что мировое значение Луцкого прорыва общепризнано как в русской, так и в иностранной военной литературе, упрекает Ставку, не сумевшую добиться активного содействия Юго-Западному фронту со стороны других фронтов. «Никогда эта возможность не была так близка, как в мае-июне 1916 года. Тот же упрек посылает и генерал Каледин, как свидетельствует в своём дневнике ординарец Каледина ротмистр Скачков: «...Луцкий прорыв мог бы сыграть крупную роль на Юго-Западном и Западном наших фронтах, но стратегическая ошибка по этому сражению произошла из-за нежелания Брусилова вовремя дать подкрепление именно 8-й армии для широкого наступления и развития его на запад».

После февральской революции 1917 г. Каледин не мог согласиться с появлением солдатских комитетов в армии, справедливо считая, что они влекут за собой разложение войск на фронте, и выступил против такой «реорганизации» армии. Но он оказался в одиночестве, в то время как большинство из высшего командного состава во главе с Главкоюзом Брусиловым дружно перешли под красное знамя. Выразив несогласие с этим, А. М. Каледин был отчислен Брусиловым из армии и переведён на службу в Военный Совет. Сославшись на тяжёлое ранение, А. М. Каледин уехал на лечение в Кисловодск, по дороге заехав к семье в Новочеркасск (10).

Чтобы дать Алексею Максимовичу Каледину характеристику как выдающемуся полководцу, достаточно вспомнить его слова, сказанные перед Луцким прорывом: «Господа! Вы скоро увидите, как обстановка на фронте изменится и неприятель будет разбит и уничтожен!» Немногие могли сказать такие пророческие слова в то время. Пожалуй, это был единственный случай. Большинство сидели, чего-то выжидали и прятались за спины других. Человеческий фактор в этой войне сыграл огромную отрицательную роль. После февраля 1917 года общество раскололось, и что самое ужасное — это коснулось высшего генералитета. Пошли предательства, заговоры, измены. И генералы, покрывшие себя славой на полях войны, оказались в постыдной роли предателей своего Отечества.

Часть 2

Организация покушения на донского атамана А. М. Каледина после московского государственного совещания

В это время в г. Новочеркасске шла подготовка к выборам Атамана Войска Донского. Председатель Войскового правительства М. П. Богаевский занимался выяснением возможных кандидатур на высокий пост Атамана и приходил в смущение от слишком большого количества выдвигаемых депутатами кандидатов: их насчитывалось уже более двадцати... Момент был ответственный. Во главе старейшего Донского Войска нужен был человек сильный, опирающийся на общее доверие, за которым пошло бы всё Войско.

Богаевский, придя на очередное заседание президиума с большим запозданием, возбуждённым голосом заявил: «Извините, господа, за опоздание... Знаете, у кого я задержался? Приехал генерал Каледин... Вот человек, вокруг которого объединятся Донцы! Но о кандидатуре своей на пост Атамана он и слышать не хочет: он уже пережил на фронте развал армии и видел моральное падение человека...» На другой день имя Каледина было у всех на устах — и у членов Войскового круга, как у «стариков», и у фронтовиков, и во всём городе, и в печати... Со всех сторон слышалось только одно: «Лучшего Атамана не найти». Другие кандидаты все отпали. Со всех сторон повели атаку на будущего Атамана, но он не сдавался. Долго ломали волю

Каледина, пока, наконец, не нашли его «Ахиллесову пяту» — уязвимое место человека, для которого долг честь и любовь к Родине превыше всего: выше покоя, здоровья и жизни... Стали убеждать и доказывать, что во имя интересов родного Дона он не имеет права отказываться в трудную минуту, что долг его, как казака, обязывает согласиться на баллотировку, ибо только при нём может объединиться весь Дон.

Большой интерес представляет недавно, в 2020 году опубликованный документ периода выборов атамана Войска Донского «Характеристика кандидатам в войсковые атаманы». Она была написана бывшим областным предводителем дворянства А. П. Леоновым и распространялась перед выборами атамана среди делегатов Войскового круга (Приложение 2). В данном документе рассматривается ряд кандидатов с явным предпочтением А. М. Каледина (11).

«Нужно ли говорить о том, что войсковой атаман не только должен быть по внешнему виду и свойствам характера представителем, но самое главное — он должен всесторонне знать уклад жизни как казака, так и неказака, то есть всего Донского края. Он должен быть настолько твёрд и самостоятелен характером, чтобы его не водили “на верёвочке” разные “подсобники” из штабных и вообще из администрации, как это бывало раньше. От атамана требуются высокие деловые качества: ум, трудоспособность, энергия и знание быта как казачьего, так и не казачье-

го населения Дона. Всё это Круг должен взвесить и не выбирать кого зря, особенно тех, кого подсовывают ему здешние “дельцы”.

Не останавливаясь долго на первом кандидате, ГЕНЕРАЛЕ КАЛЕДИНЕ, который выгоднее других отличался своими боевыми заслугами, перейдём к другим и рассмотрим их по порядку.

ГЕНЕРАЛ КРАСНОВ — бумажный человек; весь свой век писал и пишет на газетах, журналах, издаёт книги; был (вернее числился) в гвардейском полку, затем в кавалерийской школе; служил в Сибири; теперь командует строевой частью. Гражданского строя Донского Края не знает.

ГЕНЕРАЛ А. П. БОГАЕВСКИЙ состоит по генеральному штабу; штабной генерал; до недавнего времени был в штабе Великого Князя Бориса Владимировича, бывшего походного атамана войска Донского; гражданского строя также не знает.

ГЕНЕРАЛ (недавний) АСТАХОВ Ив. Петрович, артиллерист, командует ныне артиллерийским дивизионом. Хороший человек и больше ничего.

ГЕНЕРАЛ РОДИОНОВ — дороден по телу и убог по уму. Пороху не выдумает. Человек военный, из бывших придворных.

ГЕНЕРАЛ АБРАМОВ Ф. Ф., без году неделю был начальником Войскового Штаба; качеств своих не успел проявить. Человек только военный и достаточно спесив. Придерживается тактики: “быстрота и натиск”, но это не всегда и не везде полезно.

ПОЛКОВНИК АРАКАНЦЕВ Я. Пётр., нынешний старший помощник войскового атамана, поставленный на этот пост Донским Областным Исполнительным Комитетом. Человек, безусловно, трудоспособный, хотя и тяжеловат, как формалист, трезвый, достаточно знает гражданский быт Донской области и, пожалуй, военный. Держит нос по ветру и во многом зависит от местных кадетов.

ПОЛКОВНИК АЖИНОВ Вас. А. — боевой офицер, при прежнем режиме пострадал за свои политические убеждения; с гражданским бытом Донского края совершенно не знаком. Рекомендуются нам, казакам, тем Донским Областным Исполнительным Комитетом, с А. И. Петровским во главе, который почему-то разлюбил теперь своего ставленника, Войскового старшину Волошинова.

ПОЛКОВНИК ГРУЗИНОВ. Никому не известен: выписывается для нас из Москвы тем же А. И. Петровским, а это весьма ненадёжная рекомендация. Даже опасно. Сам Петровский во всякое время готов продать Дон, как Иуда, за 30 сребренников; как поэтому доверять его протеже! ОПАСНО.

И. Н. ЕФРЕМОВ, член Гос. Думы, давно известен как человек глубоко и искренне ЖЕЛАЮЩИЙ УНИЧТОЖЕНИЯ КАЗАЧЕСТВА, которое, по его мнению, есть “пережиток старины”... Почти все громадные имения своих предков успел продать вовремя и теперь крестьян не боится. Большой честолюбец.

Ив. Тим. СЕМЁНОВ, тайный советник. Этого все знают хорошо, он тоже всех и вся знает хорошо. Был

помощником войскового атамана и крепко близился к начальству; был причастен ко многим большим и ясным, и тёмным делам. Был председателем нашего Войскового Земельного Совета, где не одна сотня тысяч кровных казачьих денег утекла в карманы разных дельцов.

М. П. БОГАЕВСКИЙ личность симпатичная, как Председатель Войскового Круга. Без конкуренции; поступает быстро, решительно и — не всегда справедливо. Военного казачьего быта не знает. Можно сомневаться, что ему был известен и гражданский строй. Хотя как человек умный и ловкий — он легко разбирался в вопросах общих собраний, что отнюдь досконально, так как состоит, по его заявлению, “историком” Донского края.

Более подходящими кандидатами являются: генерал КАЛЕДИН, полковник АРАКАНЦЕВ и М. П. БОГАЕВСКИЙ.»

Из воспоминаний его жены — Е. Д. Богаевской: «Митрофан Петрович работал учителем и впоследствии был директором вновь открывающейся общественной гимназии, любил посещать митинги, в марте 1917 г. был на общеказачьем съезде в Петрограде».

Вызывает большое уважение и доверие А. П. Леонов, автор списка вышеприведённых характеристик. Нельзя не быть благодарным ему за ту огромную, честную работу по составлению их досье. Приходишь в ужас от одной мысли, что было бы с Донским казачеством, окажись на месте Каледина какой-нибудь Гру-

зинов, Ефремов или Семёнов... Ведь знал Алексей Максимович Каледин ещё по армии, какая кругом царила коррупция, предательство и измена среди высшего генералитета. Не выдержав этого, он покинул армию. Здесь же, на Дону, он увидел то же самое, но согласился быть Атаманом Войска Донского, чтобы сослужить последнюю службу Отечеству. Сердце этого честного и благородного патриота окрепло в решении пойти по жертвенному пути и добровольно выбрать свою Голгофу...

Почему он решил на такой ответственный шаг? Генерал Каледин часто присутствовал на заседаниях Войскового Круга, где обращали на себя внимание спокойное достоинство, сознательная дисциплина и порядок. Он вслушивался в речи ораторов — и представителей донской интеллигенции, и рядовых станичников. Их выступления без громких фраз и позы были проникнуты здоровым государственным смыслом, стремлением созидать, а не разрушать. И он поверил в политическую зрелость казачества (а я думаю, что ещё и пожалел казачество, увидев состав претендентов в вышеприведённом списке. — З.М.). Зрелость казачества, в отличие от колебаний крестьянской массы, была тем качеством, которое могло помочь ему разобратся в ситуации и не допустить того, что случилось на фронте — несмотря на всю сложность сложившейся революционной обстановки. Это и стало важнейшим условием согласия Алексея Максимовича стать во главе Войска Донского.

Все остальные кандидатуры отпали сами собой, и Алексей Максимович баллотировался один, получив 18 июня 1917 г. из семисот — свыше шестисот голосов.

Отслужили торжественный молебен, при огромном стечении народа направились в Войсковой Собор. Возглавлял шествие новый Атаман, впервые после двухсотлетнего перерыва свободно избранный своими Донцами. После молебна, перед парадом, войскам и народу со специально воздвинутой трибуны было объявлено об избрании Войскового Атамана. Затем была вручена «Грамота от первого Войскового Круга всего Великого Войска Донского

избранному вольными голосами Войсковому Атаману, нашему природному казаку, генералу и Георгиевскому кавалеру, Алексею Максимовичу Каледину...» (12)

Описывает свидетель и участник тех событий Н. М. Мельников: «У всех нас было тогда необычайно приподнятое настроение... Надежды на лучшее будущее, вера в счастье Дона и России, вера в своего Атамана... У всех, находившихся поблизости, я видел на глазах радостные слёзы... Казачество вернулось к своим заветам и обычаям, оно снова, как встарь, получило возможность устраивать свою жизнь так, как хочет само, вернуло свои вольности... Донцы крайне осторожно отнеслись к выборам Главы Войска, понимая всю важность и значение переживаемого момента, и они не ошиблись в своём выборе. Лучшего нельзя было найти...»

Наша гордость, наше знамя... прежде всего, ЧЕЛОВЕК — с большой буквы, в полном благородно и гордо звучащем значении этого слова, человек высокой культуры духа, широких взглядов и такой же терпимости, мудрый деятель государственного масштаба, чуждый рутины и трафаретов».

Безукоризненный конституционный Глава старейшего Войска Донского, пример и образец выборного Войскового Атамана.

«Гражданин в белой тоге независимости мысли. Гражданин — каких мало. Россия гибнет потому, что нет Калединых... — так характеризовал его в 1918 году, через полгода после

Вручение перначи Атаману Каледину.

Двадцать девять тысяч казаков волею своим избрали Калединым вольным главою Войска Донского. Слово дано встарь, на долгие годы обаять Вольному Войсковому Атаману. Но вот и Калединово слово вольной жизни... При торжественном собрании в присутствии Атамана и первой председатели Круга всего Великого Войска Донского — Алексей Максимович Каледин. Вольное Казачество при тогда не забудет свои первые избранные в вольном.

Вручение перначи Каледину А.М. — атаману Войска Донского

смерти, В. Севский-Краснушкин. — Я никогда в своей жизни не встречал человека, обаяние личности которого было бы так велико. Искренность, прямота, абсолютная честность, чистота какая-то особая, я бы сказал “Калединская” чистота — и доминировавшее над всем, наполнявшее, казалось, всё его существо, чувство долга — при более близком знакомстве с ним всё это обезоруживало даже его бывших врагов и превращало их в друзей и почитателей».

Всего несколько месяцев Алексей Максимович Каледин был Донским Атаманом, но этот самый тяжёлый и горький период его жизни как будто заслонил собой все прочие её страницы. И в этот тяжелейший период истории нашей многострадальной Родины А. М. Каледин продолжил своё служение казачеству и России, стараясь в Донской области — южной части России, — создать стабильную мирную жизнь, а затем — можно восстанавливать и всю необъятную Родину. Работа оказалась невероятно сложной — и не столько в плане налаживания мирной жизни края, сколько в плане примирения людей с разными политическими платформами. А сколько в это время проживало на Донской земле иногородних, которым не хватало земли, — к 1917 году их было уже 52%! Атаман Каледин понимал, что управлять краем, опираясь лишь на одну часть населения, невозможно. Поэтому по инициативе Атамана Каледина был проведён неказачий съезд, на котором он неоднократно выступал. Под влиянием его простых, правдивых

и искренних выступлений, отношения между казаками и крестьянами стали меняться в лучшую сторону. Обрёл их доверие и сам Алексей Максимович. «Царский генерал», сын скромного донского офицера, он никогда и не был реакционером. И теперь он искренне признавал, что без народа честно управлять нельзя. Искренне и последовательно он проводил в жизнь начала казачьего народоправства, признанные им единственноспасающими правилами жизни.

А. И. Деникин пишет по адресу А. М. Каледина: «Этот человек, всей революционной демократией и тёмной толпой подозреваемый, уличаемый и обвиняемый, проявлял такую удивительную лояльность, такое уважение к принципам демократии и к ВОЛЕ КАЗАЧЕСТВА, ЕГО ИЗБРАВШЕГО, как ни один из вождей революции». (13)

В августе 1917 года Атаман Каледин был приглашён на Московское Собрание — оно проходило в Большом Театре, — где он выступил от имени всех двенадцати Казачьих Войск с яркой речью. Эта речь фактически была программой вывода страны из кризиса с требованиями поддержки дисциплины в армии, укрепления тыла, сохранения твёрдой власти во имя преодоления хозяйственной разрухи. Из его речи: «С глубокой скорбью отмечая общее расстройство народного организма, расстройство в тылу и на фронте, развал дисциплины в войсках и отсутствие власти на местах, преступное разжигание вражды между классами, попустительство в деле

расхищения государственной власти безответственными организациями как в центре так и на местах, грозное падение производительности труда, потрясение финансов, промышленности и транспорта, казачество призывает все живые силы страны к объединению, труду и самопожертвованию во имя спасения Родины и укрепления демократического республиканского строя. Этому основному условию следует подчинить всю жизнь страны, следовательно, всю деятельность Временного Правительства. Только при этом условии Правительство встретит полную поддержку казачества. Пораженцам не должно быть места в Правительстве... Время слов прошло. Терпение народа истощается. **НУЖНО ДЕЛАТЬ ВЕЛИКОЕ ДЕЛО СПАСЕНИЯ РОДИНЫ !»**

Гробовая тишина царила в зале, когда Алексей Максимович медленно, тихим голосом читал общеказачью декларацию. Впечатление от этой декларации было колоссальное. Зал приветствовал оратора долго не смолкающими аплодисментами. Каледин говорил просто, как о чём-то неизбежном, единственно спасающем, и это придавало его словам особую силу. Содержание речи генерала Каледина показывает, что он был в значительно большей степени истинный демократ, чем те, кто кичливо называл себя в это время «революционными демократами».

Ценность Общеказачьей декларации заключалась и в том, что на Государственном Собрании во время общего революционного развала

раздался (впервые!) твёрдый голос крупной народной силы с ярко выраженным единством взглядов.

Надо отметить, что А. М. Каледин одним из важнейших пунктов своего выступления поставил вопрос о восстановлении порядка и дисциплины в армии с запрещением митингов и солдатских комитетов, разрушавших её.

Однако всё это это шло вразрез с политикой Керенского, который приветствовал солдатские комитеты. Тут же начали сочинять гнусную легенду о Калединском мятеже, тем самым возбуждая ненависть к казачеству. Разъехавшись из Москвы, «революционная демократия» удвоила, если не утроила свою пропаганду среди казачьих частей на фронте на тему о «гидре контрреволюции на Дону», стараясь этим разложить их... На Войсковых Кругах стали появляться новые фронтовые делегаты с наказами отсечь голову этой «гидре». Чувствуя в казачестве большую силу, а в Каледине — своего серьёзного оппонента, Керенский решил избавиться от Атамана.

Но первоначально у него был более серьёзный соперник в лице Л. Г. Корнилова, Верховного Главнокомандующего Ставки, который стал в это время вторым лицом в государстве, и в своём выступлении главнейшим считал необходимость восстановления дисциплины и порядка как в армии, так и в тылу. По требованию генерала Корнилова Временное Правительство вводит на фронтах такую исключительную меру, как смертная казнь. Решитель-

ными и суровыми методами даже за короткий срок энергичная деятельность Корнилова позволяет достигнуть некоторых результатов — утихла разнузданность солдатских масс, офицерам удавалось поддерживать дисциплину, что сразу насторожило Керенского...

Но меры Верховного командования не могли повлиять на усиливающийся поток пропаганды представителей Временного Правительства, а также и законспирированных до времени большевистских агитаторов, пытавшихся заигрывать с низами армии во время своих поездок на фронт.

В августе 1917 года Керенский и Ко, принявшие революцию с распростёртыми объятиями, революцию, не только разрушившую, но и погубившую мощную русскую державу, поставил целью убрать с русского военно-политического горизонта и Корнилова, и Каледина.

А. Ф. Керенский, сосредоточивший в своих руках правительственную власть, понимал, что только суровые меры, предложенные Корниловым, могли ещё спасти экономику от развала, а действующую армию — от анархии и навести в разваливающейся стране элементарный порядок. Но вместе с этим он также понимал, что с установлением военной диктатуры у него появится опасный и решительный соперник.

После этого Керенский 27 августа объявляет генерала Корнилова мятежником, дав сообщение в газетах о восстании Верховного Главнокомандующего и объявив о «корниловском мятеже».

В дальнейшем Корнилов и Лукомский были арестованы срочно приехавшим М. В. Алексеевым, который принял должность Начштаба Ставки, Керенский (юрист по образованию) — занял должность Верховного Главнокомандующего... Тут же, 1-го сентября, был арестован высший командный состав армии и препровождён в Ставку, а в дальнейшем — в Быховскую тюрьму, где они содержались около двух месяцев. Героическая русская армия — с активной подачи «новых вождей» Керенского и Алексеева — была обезглавлена.

Керенский, воодушевлённый успешно проведённой операцией по устранению Корнилова от армии, приступил к подготовке такой же операции по отношению к донскому атаману А. М. Каледину. Совершенно необоснованной телеграммой в адрес Донского Войскового Правительства он обвинил его в измене Родине с отрешением от должности выборного Войскового Атамана и с приказом об его аресте, совершив тем самым грубейшую провокацию против А. М. Каледина.

29 августа 1917 г. Петроградское Агентство прислало в редакцию «Вольного Дона» телеграмму: «От атамана казачьих войск Каледина, по сообщению газет, правительством получена телеграмма о присоединении его к Корнилову. В случае, если правительство не договорится с Корниловым, Каледин грозит прервать сообщение Москвы с югом». Редактор С. П. Черевков пришёл в недоумение. Агентство — прави-

тельственное, под непосредственным руководством самого Керенского. Лгать оно, как будто и не может... А с другой стороны — ожидать от Каледина подобного шага тоже нельзя было... А. М. Каледина в это время в Новочеркасске не было. (14).

В это время он был в поездке по северным округам Донской области со своим заместителем и адъютантом — и даже без охраны. Какой же может быть мятеж?? Л. Г. Корнилов, в противоположность Каледину, был Верховный Главнокомандующий, имел в подчинении всю российскую армию... А Каледин объезжал казачьи станицы, где встречался с казаками, беседовал с ними, они его встречали хлебом-солью, объехал уже 16 станиц.

Чем же была вызвана эта поездка? По возвращению в Новочеркасск из Москвы, с Московского Государственного Сопровождающего Собрания, Атаман нашёл много срочных тревожных сообщений из северных округов о недороде, о необычайном развитии в станицах тайного винокурения. Он спешно выехал в северные округа, имея в виду также провести беседы с казаками по поводу предстоящих выборов в Учредительное Собрание. Из дневника адъютанта, сопровождавшего его в этой поездке с 18 по 25 августа:

«18 августа Атаман осмотрел запасы донские части в станице Урюпинской и отбыл на лошадях в станицы Петровскую, Тепикинскую и Луковскую, в которой ночевал.

19 августа посетил станицы Петровскую, Бурацкую и Тишанскую, где и заночевал.

20 августа — был в станицах Акишевская, Алексеевская и Усть-Бузулукская.

21 августа — прибыл в станицы Арженевская, Зотовская и Федосеевская.

22 августа — был в станицах Слащевская и Букановская.

Во всех станицах встречи были одинаковые, торжественные; везде Атаман говорил о сложившейся обстановке и призывал к защите земли Русской. По окончании сбора казаков Атаман приглашался на станичную «хлеб-соль» и, не желая обижать казаков, нигде от неё не отказывался. Объезд станиц произвёл хорошее впечатление на Атамана. Заехали в его родную Усть-Хопёрскую станицу, где он рассчитывал отдохнуть и с новыми силами продолжать объезд станиц. С хорошим расположением духа подъезжал он к переправе через Дон, где его встретил Окружной Атаман Усть-Медведицкого округа, который, отрапортовав о благополучии округа, передал Атаману срочную телеграмму. Атаман прочитал её и отдал приказание: «В усть-Хопёрской я ночевать не буду. Поговорю с казаками и поеду в ст. Усть-Медведицкую, а рано утром из Усть-Медведицкой — на Арчаду и в Новочеркасск. Мне срочно надо быть там».

Телеграмма была из Новочеркаска от М. П. Богаевского. Вот её содержание: «Керенским генерал Корнилов объявлен вне закона. Ваше присутствие в Новочеркасске необходимо».

Здесь же, на пароме, Окружной Атаман доложил, что если надо срочно быть в Новочеркасске, то лучше

не в Арчаду, а подать вагон на ст. Обливскую, так как имеются сведения о том, что в Царицыне неблагополучно. Подумав, Каледин сказал: “Но тогда я приеду в Новочеркасск на сутки позже, а мне надо быть там как можно скорее... Кто меня посмеет тронуть? Я поеду на Арчаду”. Окружной Атаман на это вторично доложил, что через Царицын ехать небезопасно, на что Атаман ответил: “Ну хорошо, На Обливскую. Сделайте распоряжение, что не могу переночевать в своей родной станице и повидать станичников, как бы мне ни хотелось поговорить с ними”.

Не доехав и полверсты до станицы, он увидел, что все казаки вышли навстречу своему атаману-станичнику. Взамен хлеба-соли станичники на блюде поднесли Атаману фрукты из своих садов. Приняв рапорт от Станичного Атамана и выйдя из экипажа, Атаман стал обходить казаков. Здоровался с ними, многих целовал. Здесь же, в степи, был накрыт стол. Смеркалось. Атаман обратился к казакам: “Думал переночевать у вас, завтра поговорить с вами, но получил сейчас телеграмму, которой меня срочно вызывают в Новочеркасск. Мне очень грустно, что не могу побывать в своей станице”.

Казаки стали просить Атамана зайти в станицу и откусать их хлеб-соль, так как она уже приготовлена. Атаман согласился и пешком, в кругу своих станичников, прошёл в дом, где был приготовлен ужин. Разговорился со своими станичниками и родственниками. Немного оживился, но сейчас же загрустил и сказал:

“Плохие времена... Генерал Корнилов объявлен вне закона — это меня очень обеспокоило. Всё в своё время узнаете...” Трапеза затянулась, и Атаман, не желая огорчать своих родных станичников, просидел в их кругу до десяти вечера. Выйдя из дома, где была приготовлена хлеб-соль, Атаман направился к своему бывшему родному куреню, в котором он родился. Посмотрел на него, сел в экипаж и поехал в Усть-Медведицкую.

Поздно вечером прибыл в неё, в Управление Окружного Атамана, просмотрел все телеграммы и газеты. За ужином, кроме Окружного Атамана присутствовало и несколько чинов Управления. На другой день Окружной Атаман просил задержаться и посетить хотя бы сбор казаков станицы. На это атаман согласился. 23 августа встретился с казаками, обратился к ним с речью и в конце речи добавил: “Наступают очень тяжёлые времена, генерал Корнилов объявлен вне закона и казакам особенно строго надо следить за собой, слушать своих атаманов и не поддаваться ни на какие льстивые и предательские речи агитаторов, которых развилось очень много. Надо беречь свою Родину, иначе будет очень скверно и тяжело”.

Затем А. М. Каледин очень недолго навестил своих родственников, здесь жили его сёстры — Александра и Анна (моя бабушка Анна Максимовна Каледина. — *З.М.*) со своими семьями. Проводить Атамана к дому его родственников собрались казаки; Атаман ещё раз пожелал им всего хорошего

и сказал: “Будьте верны своему долгу теперь — так же, как были ему верны и в старину!”, и экипаж тронулся. Только он тронулся, как одна из родственниц Атамана (его племянница Лариса Петровна Шарапова. — *З.М.*) бросила корзинку в коляску. Атаман поклонился ей и сказал: “Ну зачем это они сделали, я же просил их этого не делать, а они вот сделали... Добрые люди! Мне ничего не надо, а для них это составляет большой расход. Ну, да теперь надо везти”.

Путь лежал через хутора Ефремовский и Калачёв. Атаман был мрачен, очень беспокоился: успели ли подать вагон на ст. Обливскую? Так как вагона не оказалось, Атаман очень нервничал из-за полученной телеграммы. Пришлось ему заночевать в хуторе Обливском. Только он заснул за полночь, через полчаса слышался стук в дверь и вошёл очень взволнованный офицер В. М. Гарин, ночью срочно командированный из ст. Нижне-Чирской Окружным Атаманом, требуя разбудить Атамана. Атаман принял офицера и беседовал с ним в своей комнате. По окончании беседы, Атаман вышел и приказал передать командиру запасного полка, чтобы к 6-ти утра 24 августа его сотни были выстроены: одна в конном строю, другая в пешем, а также приказал немедленно узнать у начальника станции, когда придёт его вагон. После доклада Атаман снова лёг спать, приказав разбудить его в 5 утра. Офицер же рассказал, что он прискакал со станции Чир предупредить Атамана, что имеются сведения о том, что утром с поездом

прибудут из Царицына пехотные части, чтобы арестовать Атамана и не допустить его приехать в Новочеркасск.

Утром, в 5 часов Атаман проследовал к вокзалу. На станцию прибыл и Окружной Атаман. Начальник станции доложил, что вагона нет.

Между тем по телефону стали передаваться со ст. Чир какие-то неясные, но тревожные сведения. Чувствовалось, что наступает что-то неладное, так как сообщалось, что с поездом следует вагон с воинской частью и этот вагон прицеплен в пути без указания места назначения. Далее сообщались ещё более тревожные сведения, что с поездом следует вооружённая рота солдат. На доклад об этом Атаману, он всё-таки ответил: “Они ничего не сделают. Не могут сделать! Я поеду поездом”. После этого он приказал назначить от полка в охрану двух офицеров, а сотням быть наготове. На это командир полка доложил, что у него на сотню всего лишь по пяти винтовок, а патронов -- совершенно нет; у офицеров — хотя и есть револьверы, но патронов также нет. Окружающие опять стали говорить, что ехать поездом рискованно, и лучше ехать в Новочеркасск на лошадях. Между тем, служащие станции были очень возбуждены, телеграфные аппараты работали непрерывно, сведения приходили всё тревожнее, хотя точно ничего нельзя было установить. Надвигалась ответственная минута для принятия решительных мер, чтобы не подвести своего Атамана под какую-нибудь не только опас-

ность, но даже и под неприятность.

В третий раз подходит к Атаману адъютант и докладывает, что поездом ехать очень рискованно, что казаки не вооружены и Бог весть что может случиться по приходе поезда или же в дороге. Атаман мрачно выслушивает и говорит: “Делайте, как хотите... На лошадях — так на лошадях. Но знайте, что я должен быть как можно скорее в Новочеркасске! Прикажете подать лошадей. Только не тройку, а пару, вещи же мои отправьте с казаком поездом и скажите ему, чтобы по прибытии в Новочеркасск он передал их моему товарищу М. П. Богаевскому и сказал, что я задерживаюсь в пути. И Атаман на почтовом тарантасе, запряжённом парой лошадей, отправился в станицу Константиновскую через хутора Верхне-Гнутов, Чекалов, Николаевский и Зазёрский. Когда отъехали несколько вёрст, послышался гудок паровоза, в котором следовал вагон с воинской частью сторонников Керенского, посланный им для ареста Каледина. (Можно назвать чудом, что Атаман, не дождавшись поезда, уехал на лошадях и потому на этот раз остался жив. Но это — большая заслуга окружающих его казаков, которые любили его, были преданы ему и смогли его уберечь от расправы. — *З.М.*) В хуторе Зазёрском Атаман остановился на ночлег, вечером ходил по хутору, но не как Атаман, а как проезжий. 25 августа, ещё до рассвета Атаман был уже на ногах и стал торопиться с отъездом.

Въехав в станицу Константиновскую, приказал ехать в Управление

Окружного Атамана и был очень огорчён, что автомобиль ещё не пришёл. Атаман хотел сейчас же на лошадях ехать дальше, но Окружной уговорил его остаться на несколько часов в станице, посетить правление, раненых и посмотреть запасные казачьи части. Посетив раненых, Атаман зашёл к некоторым жителям станицы. В это время пришёл автомобиль. В 12 часов дня Атаман приветствовал на площади у Управления все запасные части, обратился с речью, где говорил о тяжёлом времени, переживаемом Россией и Доном, напоминал о долге казаков перед Отечеством: “Помните, что войну надо закончить во что бы то ни стало! Не верьте соблазну о мире, его не может быть, и пока неприятель не разбит, ни мира, ни порядка в России не может быть. Помните это твёрдо и берегите русскую честь!”

Во время этой речи Окружному Атаману была принесена срочная телеграмма, которую он взял и держал в руке. Когда Атаман Каледин сделал небольшую паузу в своей речи, эта телеграмма была передана ему. Когда Каледин её прочёл, лицо у него стало очень мрачное; низко опустив голову, он задумался, вновь взял эту телеграмму, прочёл её вторично и, передавая её адъютанту, сказал: “Подержите”. Снова обратившись к казакам, он продолжил: “Я говорил Вам сейчас, что мне обидно, что я вас мало видел, не мог посмотреть ваше ученье и побольше поговорить с вами... В скором времени я снова приеду к вам, но теперь обстоятельства очень и очень меняются. Пом-

ните же, что я вам говорил, крепче держитесь друг друга, храните заветы старины. Будьте здоровы, прощайте...” И голова Атамана опустилась низко. А затем он обошёл начальствующих, простился с ними, а при прощании с Окружным снова взял телеграмму, прочёл её и, передавая Окружному, просил беречь казаков и весь 1-й Донской округ, после чего направился к автомобилю. Когда Атаман садился в автомобиль, Окружной Атаман провозгласил ему здравицу, и под громкие крики донского “ура” Атаман выехал. Окружной Атаман только добавил ещё: “Храни вас Бог”.

Содержание телеграммы, так изменившей настроение Атамана, было следующее: “ВСЕМ, ВСЕМ, ВСЕМ! ГДЕ БЫ НИ НАХОДИЛСЯ АТАМАН КАЛЕДИН — НЕМЕДЛЕННО ЕГО АРЕСТОВАТЬ И ДОСТАВИТЬ В МОСКВУ. КЕРЕНСКИЙ”.

Это какое же надо было иметь самообладание, выдержку, чтобы, прочтя свой приговор, продолжить свою речь, найти слова, близкие сердцу каждого честного человека России. Мрачный и грустный сидел в автомобиле Атаман, сосредоточенно думал о чём-то. Он только произнёс: “Бедная Россия! Что-то её ждёт?”

Проехали ещё несколько вёрст, и Атаман приказал остановиться. Он вышел из автомобиля и пошёл очень скорым шагом, а автомобилю приказал следовать за ним. Пройдя версты 2–3, он сел в автомобиль и поехал дальше. Так доехали до ст. Богаевской, переехали через Дон и спустились в займище. Проехав

версты четыре, увидели взвод казаков в конном строю. Атаман с недоумением посмотрел и приказал остановить автомобиль. Выйдя из него, он поздоровался с казаками и спросил у офицера, зачем выслан и почему тут находится этот взвод, офицер ответил, что он Донским Правительством выслан конвоировать Атамана, на что Атаман ответил: “Конвоя мне не надо. Вы зарежете лошадей, сопровождая меня по такой тяжёлой дороге, а у казаков лошади свои”. Офицер же ответил, что ему приказано конвоировать, и он должен исполнить этот приказ. Атаман пожал плечами и ответил: “Приказали, так и исполняйте”, а шофёру сказал ехать тихо, чтобы лошади конвоя не устали. Сел в автомобиль и, окружённый взводом казаков с пиками наперевес, тронулся дальше”.

Нужно объяснить читателю, почему даётся такое обширное повествование по поездке Донского Атамана по Донской области. Ведь ему было предъявлено такое серьёзное обвинение, как измена, предательство, снятие с поста и арест. Вот как описывает сам Каледин эту поездку: «Тревожные минуты пришлось мне пережить, когда за мной гонялись... То я узнал, что за мной пустился на поиски Голубов, то, приехав в Константиновскую, прочитал там телеграмму о моём аресте. Но всего ужаснее было чувствовать, что я остался один среди своих казаков...» И Голубов, и Подтёлков выступили против него только с одной целью — занять место атамана, и этого они не скрывали.

Приблизительно вёрст через десять опять встретили взвод казаков. Атаман вышел из автомобиля и, уже ничего не спрашивая, поздоровался с казаками; в это время командир взвода сказал сопровождающему адъютанту, что Атамана приказано арестовать. Этот взвод казаков был выслан военным комиссаром революционного комитета для ареста Каледина, так как в Войсковом правительстве присутствовали и представители ревкомитетов. Но казаки оставались верны Каледину и постановили Атамана не выдавать, а взять под охрану. Когда об этом было доложено Атаману, лицо его сразу оживилось и, обращаясь к казакам, он сказал: «Спасибо, станичники, за преданность! Атаман в своей Донской земле в охране не нуждается!» Он приказал спешить взвод, дать казакам отдохнуть и тихими аллеями идти в своё расположение, сел в автомобиль. Тронулись на станцию Кривянской. Выехав из станции Кривянской, Атаман увидел две сотни в конном строю, а впереди, по линии железной дороги — массу народа и солдат запасных пехотных частей, расположенных в Новочеркасске.

Здесь он принял рапорт от войскового старшины, командовавшего дивизионом. Атаман передал ему приказ не сопровождать его, на что тот, как и первый офицер, сказал, что ему приказано сопровождать, что солдаты стоят около города и что он должен этот приказ исполнить. Атаман ничего не ответил, прошёл вдоль фронта казаков, поздоровал-

ся с ними, сел в автомобиль и под конвоем сопровождающих его двух сотен поехал через Кривянскую площадь в Новочеркасск.

Вся линия железной дороги и окраина города были заняты пехотными солдатами, но они стояли тихо, и только их хмурые лица показывали, что, если бы не казаки, то неизвестно, что они сделали бы с Атаманом. По въезде в город, поднимаясь по Крещенскому проспекту, Атамана приветствовали жители города: бросали цветы, кричали ура. Так он прибыл к Атаманскому дворцу. Дворцовая площадь также была запружена народом и Атаман был засыпан цветами. Выйдя из автомобиля, он сейчас же поблагодарил всех за радушный приём и под громкие крики прошёл во дворец. Весть о приезде Атамана быстро разнеслась по городу, а во дворце уже стали собираться на заседание члены Донского правительства.

Эту охоту на «гидру контрреволюции» организовал Керенский, послав из Царицына вагон с вооружёнными солдатами и два вагона пехоты из Московского гарнизона. Также был брошен на поиски Атамана Каледина отряд Голубова с революционными казаками. (Позднее Голубов был убит своими же казаками за предательство. — З.М.). И совершенно непонятно, какую контрреволюцию возглавил Каледин, если на сотню казаков приходилось только пять винтовок? Да и то — патронов к ним не было, а у казаков были только пики. Агитационной работы к участию в контрреволюции среди

них не проводилось. Вот только призывали их к защите Отечества — да, это было.

И, конечно, нельзя не отметить казачьей верности и преданности своему Атаману. Нельзя не сказать много добрых слов в их адрес: они спасали своего командира, своего Атамана, своего боевого товарища, им пришлось искать его, опекать его, открывать ему глаза на подстерегающую его опасность, в которую он просто не мог поверить... Это ли не покушение на убийство?! А покушение было, и организовал его председатель Временного правительства Керенский — обвинив Каледина в участии в «корниловском мятеже» — выслал отряды солдат для его ареста в северных станицах Дона.

Войсковое правительство, получив телеграмму об аресте Атамана, срочно отправило отряды казаков и юнкеров для защиты Каледина до прибытия его в Новочеркасск, в связи с чем между казачеством и Временным правительством возникли «натянутые отношения» («Ростовская речь» от 16 сентября 1917 г.)

Для урегулирования конфликта между донским казачеством и Временным правительством, последнее выслало на Дон для уточнения обстоятельств министра продовольствия С. Н. Прокоповича. В Новочеркасске он встретился с Атаманом Калединым. Прокопович при встрече с корреспондентом кадетской газеты «Ростовская речь» заявил: «Полагаю, что старая история явилась чистым недоразумением. Временное правительство сожалеет, что получилась

ВИДИМОСТЬ КОНФЛИКТА. С генералом Калединым мы мирно беседовали. Если и остались какие-то следы, то Временным правительством они окончательно ликвидируются».

Для дальнейшего расследования инцидента военный министр Верховский командировал в Новочеркасск своего представителя — генерала Юденича, который заявил, что правительство готово пойти навстречу «всем законным пожеланиям» казачества и, признавая ряд допущенных ошибок, считает необходимым устранить все недоразумения, в том числе и печальное недоразумение с Калединым («Ростовская речь» от 5 октября 1917 г.). 11 октября на вопрос корреспондента газеты «Вольный Дон» Юденич заявил, что не верит, будто Каледин мог пойти на бунт. «Почему Временное правительство медлит сознаться в своей ошибке, — сказал генерал, — не знаю. Временное правительство давно уже убедилось, что бунта на Дону не было» («Вольный Дон», 12 октября 1917 г.).

А дальше ещё было разбирательство на заседании Донского Правительства по телеграммам — кто их послал и откуда. Была и телеграмма от военного министра Верховского с угрожающим содержанием. На требование Керенского о приезде Каледина в Москву Донцы ответили: «С Дона выдачи нет!»

Из Новочеркаска Юденич проехал на Кубань и Терек, чтобы ознакомиться с настроением казачества и выяснить их отношение к Временному правительству.

В Екатеринодаре и Владикавказе он встречался с местными правителями, которые просили Керенского, Верховского и командующего Кавказским фронтом генерала М. А. Пржевальского о выводе армейских частей с Кубани и Терека и вводе туда казачьих войск. Генерал Юденич и руководители казачьих областей быстро достигли взаимопонимания. Юденич советовал Пржевальскому удовлетворить просьбу казаков.

Из статьи Ю. К. Кириенко «Подготовка “второй корниловщины” на Дону»: «...Юденич телеграфировал военному министру Временного правительства: В Донском и Кубанском казачьих войсках происходит напряжённая работа по сохранению порядка и организации здоровых сил страны для спасения родины. Нахожу настоятельно необходимым:

1) Немедленное издание акта об обвинениях ген. Каледина и восставление его во всех правах.

2) Признать полную правомочность создаваемых казаками органов самоуправления.

3) Немедленно вывести из казачьих областей армейские части, присутствие коих нервирует население, окрыляет большевиков...

Проведение этих мер желательно к открытию 20 октября съезда в Кieve» (15).

Одновременно с Юденичем 21–23 октября в Новочеркасск прибыли члены Чрезвычайной следственной комиссии Шабловского. В Новочеркасске комиссия допросила Каледина, Богаевского, начальника войскового

штаба Араканцева и др. лиц, причастных к делу «о мятеже». Однако члены комиссии вели себя не как следователи, а как адвокаты. В беседе с корреспондентом газеты «Вольный Дон» член комиссии полковник Украинцев заявил: «Никакого следствия по делу о ген. Каледине не производится; генерал Каледин если и допрашивался, то только в качестве свидетеля... в настоящее время и речи не могло быть о каком-либо обвинении атамана». («Вольный Дон» от 18 октября 1917 г.).

Проведённые расследования о причастности ген. Каледина к «корниловскому мятежу» и Прокоповичем, и Юденичем, и Чрезвычайной следственной комиссией Шабловского единодушно пришли к заключению о полной невиновности А. М. Каледина, необходимости в срочном порядке восстановления всех прав и полной его реабилитации. Также и военный министр Верховский 18 октября в рапорте Керенскому предлагал для борьбы с революцией использовать казачество. (16) Все действия атамана Каледина были направлены на восстановление мирной жизни, обеспечение порядка и функционирование государственных структур в Донской области, а также помощи населению в то непростое военное время.

Однако действиям Войскового правительства во главе с Атаманом противостояли городская управа и Донской обком во главе с военным эмиссаром В. В. Брыкиным, который телеграфировал в Петроград с предостережением по поводу реабилитации атамана, искажая фактическое поло-

жение вещей в области. Он, дескать, «признаёт совершенно необходимым держать Временное правительство в курсе донских дел и одновременно просить Временное правительство воздержаться от возвращения ген. Каледина звания и власти командующего войсками области, назначив на эту должность другое лицо, хотя бы и из донских казаков, с одновременным образованием особого штаба для пехотных частей». (17) Эта телеграмма послана 23 окт. 1917 года.

Одновременно Брыкин являлся членом Войскового правительства. Данный документ подтверждает его роль как провокатора. Вот такие «помощники и соратники» окружали Атамана Каледина в то тяжёлое время...

Часть 3

Организация второго покушения на А. М. Каледина после Октябрьского переворота

16 ноября 1917 г. был организован Донской областной военно-революционный комитет объединённой демократии. А 17 ноября 1917 г. Каледин получает предупреждение — донесение прапорщика Полякова Войсковому Атаману о проходе в Азовское море военного транспорта для поддержки большевиков: (18)

«17 ноября 1917 г., г. Новочеркасск. Мною сейчас получено следующее предупреждение: Из Керчи, Севастополя прошли в Азовское море два военных транспорта со снарядами, пулемётами, орудиями в Таганрог для действия большевиков против

казачества. Военные транспорты сопровождают миноносцы. Поляков».

Резолюция А. М. Каледина:

«1. Командировать в Таганрог ген. Назарова.

2. Послать в Таганрог запасную батарею и сотню курсантов.

Ген. Каледин, 17 ноября».

В ночь на 26 ноября 1917 г. в Ростове-на-Дону произошло выступление большевиков, которые при помощи прибывших черноморских матросов и немецких диверсантов, преодолев сопротивление нескольких казачьих команд, потребовали от Каледина передать им власть.

«Когда ген. Потоцкий (командующий войсками Ростовского военного округа) получил сведения, что готовится ночью арест всех общественных деятелей, он решил ответить на удар контрударом: арестовать военно-революционный комитет. Выступление с обеих сторон произошло почти одновременно. Первая жертва была с нашей стороны: был убит поручик Фесенко, первым вошедший в помещение военно-революционного комитета. Когда начались военные действия, трудно было собрать воедино митингующие войска — фронтовики спорили, выступать или нет... Приходилось составлять отряды из кусков, вырванных из разных частей. Поскольку в нашем распоряжении находились силы небольшие, а у противника были в изобилии пулемёты и тяжёлые снаряды с прибывших тралеров Черноморского Флота, то во избежание лишних потерь приходилось действовать только наперекор. У ген. Назарова

была артиллерия, что помогло обойти без лишних жертв. Три батареи пошли сразу, а две пришлось подтягивать с трудом. К 28 ноября подготовка была закончена. Наши части были разбиты на три коллоны, которые двинулись одновременно на Ростов с трёх сторон. После артиллерийской подготовки, ловким стратегическим манёвром, неожиданным для большевиков, Ростов был взят войсками Каледина».

Ещё раз ген. от кавалерии А. М. Каледин доказал, что он мог быть не только достойным атаманом, но и талантливым, находчивым боевым генералом, который воевал не только по законам военного искусства, но и с учётом сложившейся ситуации — реакция была мгновенная и неожиданная для неприятеля.

В Ростов и Новочеркасск прибыли немецкие диверсанты, переодетые черноморскими моряками, с заданием убить Каледина, Алексеева и Богаевского. Об этом упоминается в нескольких источниках, в частности, М. А. Нестерович-Берг в своих воспоминаниях пишет: «Приехав в Новочеркасск в ноябре 1917 г., я знала от высших чинов о провалившемся покушении, и при встрече с начальником контрразведки кап. Алексеевым сообщила ему: знаете, раскрыто покушение на Алексеева и Каледина. Большевики не теряют времени». (19) Дополняет эту информацию В. Н. Кочетов в своей статье «Самоубийство ли?»: «Сопrotивление большевикам ещё могло продолжаться и должно было ещё продолжаться» (20).

Что повернуло так резко ход исторических событий? Что заставило большевиков собрать все свои силы и бросить их на Дон? Ведь Россия велика, необъятны просторы, к примеру, Сибири, где нужно тоже наводить порядок... Большевиcтская партия видела возрастающую активность противоборствующих сил — казачества и возрождавшейся Добровольческой армии и понимала, какую опасность они представляли для большевиков. 17 октября в «Письме к товарищам» Ленин писал о том, что «буржуазно-казацкая партия России готовит гибель революции, необходимо дать незамедлительный отпор корниловцам “второго призыва”, ибо промедление в восстании смерти подобно» (21).

Открывшийся 21 октября фронтовой казачий съезд в Киеве призывал казаков «начать совместную борьбу против надвигающейся анархии со стороны русского пролетариата. Взвесив сложившуюся политическую обстановку в стране, большевики 25 октября 1917 г. проводят вооружённый переворот в Петрограде».

После вооружённого восстания Ленин пристально присматривался к силам, которые могли бы поддержать его. В выступлении 9 ноября 1917 г. на расширенном заседании Петроградского Совета профсоюзов в речи, посвящённой оценке борющихся сил, Ленин говорил: «Неправда, что мы не хотим соглашения для избежания гражданской войны. С такими силами, как Каледин, Родзянко, Рябушинский мы го-

товы заключить соглашение, так как они опираются на реальную силу и имеют значительный общественный вес». (22) Но Каледин, естественно, ни о каких соглашениях и думать не мог, не то что говорить. Тем самым он был неугоден вождю пролетариата, и его необходимо было убрать.

Ни для кого не является секретом, что русская революция 1917 года была проведена благодаря полученным большевиками во главе с Лениным 60 млн марок от Германии. Это подтверждает австрийская журналистка и историк Элизабет Хереш в своей книге «Царская империя — блеск и крушение», вышедшей в 1991 году. Она приводит подлинные документы германского МИДа о подрывной деятельности в России, которые опубликованы также и в её книге «Купленная революция». Документы с немецкой скрупулёзностью и бухгалтерской точностью фиксировали суммы, выданные германским казначейством большевикам на подрывную деятельность в России. Очень интересными являются следующие документы, проливающие свет на дальнейшие драматические события истории России периода революции 1917 года.

Осенью 1918 года правительственный комитет общественного осведомления США издал сборник материалов «Немецко-большевистская конспирация». В нём есть документ под № 5: «Гр. Генерал — Стаб. Централ Абтайлунг, Секцион М. Берлин, октября 1917 г. Правительству Народных Комиссаров: Согласно прошедших в Кронштадте в июле те-

кущего года соглашений между членами нашего Генерального Штаба и вождями русской революционной армии и демократии гг. Лениным, Троцким, Раскольниковым, Дыбенко, действовавшее в Финляндии русское отделение нашего Генерального Штаба командирует в Петроград офицеров для учреждения Разведывательного отделения Штаба. Во главе Петроградского отделения будут находиться следующие офицеры, в совершенстве владеющие русским языком и знакомые с русскими условиями: майор Любертц, майор фон-Бельке, майор Байерместер, лейтенант Гартвинг. Разведывательное отделение, согласно договора с гг. Лениным, Троцким и Зиновьевым, будет иметь наблюдение за иностранными миссиями и военными делегациями и за контрреволюционными движениями, а также будет выполнять разведывательную и контрразведывательную работу на внутренних фронтах, для чего в различные города будут командированы агенты. Начальник русского отдела Германского Генерального штаба О. Рауш. Адъютант Ю. Вальтер».

Следующие документы раскрывают действия агентов большевистских и германских на Дону. 9 декабря «Нахрихтен Бюро» (Разведывательное бюро) адресует Троцкому следующее срочное послание: «Согласно Вашему поручению, Разведывательным отделением 29 ноября был командирован в Ростов майор фон Бельке, установивший там разведку за силами Донского Войскового правительства. Майором был организо-

ван также отряд из военнопленных, которые принимали участие в боях. В этом случае военнопленные, согласно указаниям, сделанным июльским совещанием в Кронштадте с участием Ленина, Зиновьева, Каменева, Раскольникова, Крыленко, Володарского и др. были переодеты в русскую солдатскую и матросскую форму. Майор фон-Бельке принял участие в командовании, но сбивчивые распоряжения официально командировавшего Арнаутова и бездарной деятельности разведчика Туллака парализовали план нашего офицера. Посланные из Петербурга агенты для убийства ген. Каледина, Алексеева и Богаевского оказались трусливыми и не предприимчивыми людьми. Майор фон Бельке с паспортом финна Уно Муури возвратился в Петербург и выступил с докладом в кабинете Председателя Совета в 10 часов вечера.

За начальника Отделения: Р. Бауер. Аджютант: (неразборчиво)».

Безусловно, после такого документа возникает много вопросов: О чём мог докладывать агент Бельке в кабинете самого Ленина? С какой стати глава правительства стал бы заслушивать доклад иностранного агента? Видимо, задание на убийство майору Бельке давалось непосредственно руководством большевиков.

Председатель правительственного Комитета общественного осведомления США Эдгар Сиссон пишет: «Это является хладнокровным раскрытием германо-большевистского плана убийства Каледина и Алексее-

ва, а также доказательством того обстоятельства, от которого так часто отрекался Смольный зимой, а именно, что германские военнопленные были вооружены в качестве русских солдат для борьбы против русских националистов на Дону». Факты говорят сами за себя.

Многие источники, описывающие события того периода на Дону, а также периодическая печать городов Таганрога, Ростова на Дону, Новочеркаска подробно описывают прибытие из Севастополя нескольких судов Черноморского флота с матросами, которые получили команду: десантом высадиться в Таганроге и Ростове. 20 ноября 1917 г. делегация Войскового правительства тут же вступила в переговоры с прибывшими матросами. В ночь на 26 ноября в Ростове на Дону произошло выступление большевиков, которые при помощи прибывших матросов захватили в городе власть. Донское правительство получило от восставших, готовившихся к походу на Новочеркасск, ультиматум с требованием признать советскую власть.

СНК приказал Верховному Главнокомандующему Крыленко немедленно двинуть силы на Ростов. Одновременно главный комиссар Черноморского флота запросил Совет Народных Комиссаров: «как действовать и что предпринимать Черноморскому флоту», Совнарком немедленно ответил: «действуйте со всей решительностью против врагов народа, не дожидаясь никаких указаний сверху. Каледин, Корнилов,

Дутов — вне закона. Переговоры с вождями контрреволюционного восстания безусловно воспрещаем» (23).

Каледин вынужден был применить военную силу, и 2 декабря наступление было подавлено. Ростов был взят частями, верными Донскому правительству и небольшого отряда «Алексеевской организации». Под Ростовом Атаман сражался с большевиками, в изобилии снабжённых пулемётами, имея в своём распоряжении небольшой отряд из мальчиков-кадет и гимназистов, юнкеров, офицеров. Большевики бежали в панике, спасаясь на тралерах. Матросы были вынуждены покинуть Донскую область, не выполнив своей миссии. По изложенному материалу можно сделать вывод, кому мешал Атаман Каледин и кто был главным организатором его удаления с политической арены...

Не следует также забывать, что после октябрьского переворота и захвата большевиками власти в стране начался хаос, грабежи и массовые убийства. Это заставило население покидать свои жилища в крупных городах и искать спасения в местах, куда ещё не дошла эта вакханалия и сопутствующий ей голод. Донская область, где, после выбора Донского Атамана А. М. Каледина в июне 1917 года, было относительно спокойно, оказалась как раз таким местом. Благодаря его огромным усилиям, здесь постепенно налаживалась мирная жизнь, функционировали государственные структуры — ра-

ботали банк, аптеки, лазареты, в магазинах были продукты. И сюда устремились огромные потоки как военных, так и гражданских людей.

Одного возникновения «Белой идеи» было недостаточно для того, чтобы сделать её практически жизнеспособной, нужно было наличие многих условий, чтобы идею претворить в дело. Вот эти-то условия, в пределах возможного для человека в то жуткое время общего развала, падения нравственности, веры и духа, дал генерал Каледин. Вот свидетельство бывшего начальника его Походного штаба полковника Я. М. Лисового: «Где же, как не на Дону, у Атамана Каледина могла быть осуществлена эта великая государственная идея защиты терзаемой Родины, куда ещё до появления ген. Алексеева уже стали стекаться со всех сторон России все, кто чувствовал себя русским и кто предвидел грядущие её бедствия» (24).

«Спасибо генералу Каледину, есть по крайней мере уголок земли, где можно будет умереть за Россию». Так определил один полковник, Георгиевский кавалер, своё душевное состояние после переворота в Петербурге и выступления Атамана Каледина в ответ на большевистский захват власти. И сколько этих никому не известных офицеров Русской армии после этого потянулись на Дон к Каледину, чтобы умереть за Россию... Они, эти русские люди — офицеры, студенты, юноши и дети средних учебных заведений — с риском для жизни, среди потоков лившейся уже повсюду крови,

пробирались сквозь озверелые революционные массы разнузданной солдатни, бережно неся свою кристально чистую мысль: «умереть за Родину».

«Взгляни хорошенько, ведь это страдалец за Родину, страдалец, добровольно взявший на себя крест...», — такими словами выразил полковник Лисовой свою первую встречу с Калединым, добравшись на Дон.

Часть 4

Сопrotивление Дона Октябрьскому перевороту и организация убийства А. М. Каледина

Добровольческая Армия, которой Донской Атаман А. М. Каледин отдал много своих сил и возможностей, принесла ему раздоры и много неприятностей. В руководстве Добровольческой армии не было взаимопонимания, а была неприкрытая борьба за лидерство: фигуры серьёзные, например, генерал М. В. Алексеев, арестовавший Корнилова на посту Верховного Главнокомандующего и сменивший его на этом посту. Как и бывший Верховный Главнокомандующий Корнилов, он требовал подчинения себе и полной власти над армией. Трения в верхах Добровольческой армии, которые начались с прибытием на Дон генерала Корнилова, не могли способствовать изживанию в среде офицерства колебаний и сомнений. В Новочеркасске уже образовалась «политическая кухня», в чаду кото-

рой наезжие деятели сводили старые счёты и создавали атмосферу взаимной отчуждённости и непонимания совершавшихся на Дону событий.

Собрались и лица, сыгравшие злополучную роль в Корниловском выступлении. Завойко (ординарец Корнилова) вызывал всеобщее недоумение монополией сбора пожертвований и плёл какую то нелепейшую интригу с целью свержения Каледина и избрания на должность Атамана генерала Корнилова. Ознакомившись с его деятельностью, Корнилов приказал ему в 24 часа покинуть Новочеркасск. Прибывающие на Дон бывшие «Быховские узники» — Деникин, Лукомский, Романовский — получили на Дону приют, но стали требовать от Каледина пополнения Добровольческой армии казачеством. Но Алексей Максимович им ответил: «Я лично отдаю Родине и Дону свои силы, не пожалею и своей жизни... имеем ли мы право выступить сейчас же, можем ли мы рассчитывать на широкое народное движение? Русская общественность прячется где-то на задворках, не смея возвысить голос на большевиков... Войсковое правительство, ставя на карту Донское казачество, обязано сделать точный учёт всех сил и поступить так, как ему подсказывает чувство долга перед Доном и перед Родиной...»

При наступающей серьёзной опасности для Новочеркаска, руководство Добровольческой армии известило Атамана телеграммой за день до ухода на Кубань. Но и это не

напугало Каледина. Он знал, какие люди его окружают и пытался дистанцироваться от них. Положение, действительно, было такое, хуже которого и представить себе трудно, но ситуация не сломала и не выбила его из колеи: мужественный генерал выходил и не из таких положений. На фронтах войны были у него и поражения, были и громкие победы, когда он мог путать замыслы неприятеля и навязывать ему свою волю.

Хуже всего оказалась ситуация с Войсковым правительством. Каледин перестал доверять его председателю М. П. Богаевскому, и основания для этого у него были: в последнее время он интуитивно ощущал и видел сознательное нежелание Богаевского помогать и что-то делать в пользу казачества. Кроме пустых разговоров, которыми он славился, — его называли «Донской соловей», «Донской баян» — при общении с председателем Войскового правительства Алексей Максимович ощущал какую-то гнетущую пустоту. Не лишним будет вспомнить, что в конце декабря на Дон неожиданно приехал и брат Митрофана Петровича — генерал Африкан Петрович Богаевский, свалившись «как снег на голову». Он служил в Киеве, командующим 1-й гвардейской кавалерийской дивизии. У атамана Каледина в этот период не было вакансий на генеральские должности, и А. П. Богаевский на Дону раньше не служил, был далёк от казачества, не знал тонкостей психологии казака, гражданского строя также не знал,

предпочитая служить в Петербурге, состоял по генеральному штабу — штабной генерал. Всё это время братья Богаевские были в активной переписке... Как пишет в своих воспоминаниях А. П. Богаевский: «Я получил официальный отпуск на семь недель и 27 декабря 1917 г. выехал на Дон, куда уже давно звал меня мой брат, помощник Донского Атамана ген. Каледина». Добирался он с большими трудностями, по дороге был арестован. По прибытии в Новочеркасск он явился к Атаману, который принял его приветливо и предложил должность командующего войсками Ростовского района. 5 января 1918 г. А. П. Богаевский вступил в командование (25). При отходе Добровольческой Армии на Кубань он написал: «Получив известие о намерении добровольцев покинуть Ростов, я со своим штабом решил присоединиться к ним. К этому времени в моём распоряжении был только десяток офицеров штаба и несколько солдат. Остаться в Ростове — значило сознательно и бесполезно идти на смерть». Казачество, видимо, было ему чуждо и он ушёл с добровольцами. Вот таким «патриотизмом» отличались в то время многие высшие военные чины.

Походный атаман генерал П. Х. Попов со своим начальником штаба, полковником В. И. Сидориным, ушли в Степной поход для сбора казачьих сил. Им судьбой суждено было сыграть крупную роль в дальнейшем ходе борьбы донского казачества.

Наступивший форс-мажор придал генералу Каледину ещё большую силу и твёрдость, укрепил его дух. 28 января он обращается к казачеству с пронзительными словами, какие может сказать только человек чистой души и высоких помыслов: «Граждане казаки! Среди постигшей Дон разрухи, грозящей гибелью казачеству, я, ваш Войсковой Атаман, обращаюсь к вам с призывом — может быть, последним. Вам должно быть известно, что на Дон идут войска из красноармейцев, наёмных солдат, латышей и пленных немцев, направляемых правительством Ленина и Троцкого. Войска их продвигаются к Таганрогу, где подняли мятеж рабочие, руководимые большевиками. Такие же части противника угрожают станице Каменской и станциям Зверево и Лихой. Железная дорога в руках большевиков. Время не ждёт, опасность близка, и если вам, казакам, дорога самостоятельность вашего управления и устройства, если вы не желаете видеть Новочеркасск в руках пришлых банд большевиков и их казачьих приспешников — изменников долгу перед Доном — то спешите на поддержку Войсковому Правительству посылкой казаков-добровольцев в отряды...» В заключение он рисует страшную картину развала области Войска Донского и разложения души человеческой: «В этом призыве у меня нет личных целей, ибо для меня атаманство — тяжёлый долг. Я остаюсь на посту по глубокому убеждению сдать пост, при настоящих обстоятельствах, только перед Кругом. 28

января 1918 года. Войсковой Атаман Каледин».

После такого обращения мог ли он, призвав казаков к сопротивлению и защите родной земли, спокойно устранился и оставить казаков на произвол судьбы?

А на другой день, 29 января 1918 года, перед заседанием Правительства, он предупредил свою благоверную, Марию Петровну, о том, что при сложившихся обстоятельствах им придётся временно уехать и просил собрать в дорогу необходимые вещи. Она была единственным человеком, которой он доверял и которую любил. Предупреждая жену о возникшей ситуации, отдавая ей свои распоряжения об отъезде через три часа, мог ли он свести счёты с жизнью, оставив её на произвол судьбы? Этого и представить нельзя, зная, что Александр Максимович — это человек долга, чести и благородства. Так что самоубийство в данной ситуации было крайне сомнительно...

Но раскрывать свои дальнейшие планы и действия перед людьми, которым не доверял, он не мог. Конечно, он чувствовал и ощущал, что вокруг него плетётся и опутывает его какая то паутина... С М. Богаевским он давно уже был осторожен, знал он и о цели, с которой приехал в Новочеркасск А. Богаевский. Но он ни с кем об этом не говорил, будучи человеком осмотрительным и в сложившихся обстоятельствах — закрытым. Последние две-три ночи он не мог заснуть, прокручивал в голове все возможные варианты развития

событий. И, судя по его последним действиям, можно в такой последовательности предположить выработанную им стратегию:

1) написать и как можно скорее распространить обращение к казачеству; (в тот же день листовки с обращением были разбросаны над станицами с самолёта);

2) двухтысячный отряд партизан под командой генерала Попова уходит в Сальские степи;

3) председатель Войскового правительства М. П. Богаевский временно передаёт власть Новочеркасской городской управе, при этом атаман не слагает с себя юридических полномочий, а лишь временно отказывается от властных функций в столице. Освободить его от должности атамана можно только на заседании Большого Войскового круга, назначенного на 6 февраля;

4) сам он вместе с женой временно покидает столицу казачества для сбора народного ополчения.

Он понимал, что пользуется большим авторитетом у населения, хотел привлечь в сохранившиеся казачьи отряды широкие народные массы — о них он думал и раньше, знал их и говорил с ними на одном языке. Создание мощной вооружённой силы, которая могла бы противостоять большевикам, было возможно только одним путём: привлечением народных масс. Генерал Каледин опирался на «местный» патриотизм всего населения. Но руки ему связывало руководство Добровольческой армии, которое привлечение масс не приветствовало. А теперь, когда

Добровольческая армия уходила в Кубанский поход, Атаман хотел эту мысль воплотить в жизнь. Он слов на ветер не бросал и верил в свои силы.

Надо понимать, что Ленин и его правительство никогда не стали бы терпеть «казачью вольницу» на Юге России и делали всё возможное для того, чтобы её уничтожить.

В день 29 января 1918 года, несмотря на хроническую усталость, А. М. Каледин был очень активен: с 6 утра уже на ногах. События этого дня описывает Елизавета Дмитриевна Богаевская, — жена Митрофана Петровича Богаевского. Они жили в Атаманском доме, на первом этаже. Эти записи для нас очень важны, они передают атмосферу тревожного напряжения того дня уже с самого утра. Судя по записям, не совсем понятно и состояние самой Елизаветы Дмитриевны: почему она вспоминает о тревогах накануне этого дня? Зачем она готовит нас к какому-то роковому событию, могущему случиться в этот день?

Она пишет так: (26) «Митрофан Петрович сообщил мне, что мы не сможем даже иметь охрану в Атаманском доме. И действительно — наружного караула уже не было, а внутри сидел только дежурный офицер, и это было всё. Приближалась роковая развязка. Впечатлительный и восприимчивый, Митрофан Петрович предчувствовал, догадывался, что Атаман что-то задумал. А я видела, что и Митрофан Петрович что-то надумал, но расспрашивать его мне не хотелось, так как в

короткие моменты, когда он бывал дома, он был таким измученным и утомлённым, что просто падал на диван, чтобы хоть немного отдохнуть. До распросов ли было!

Наконец наступил роковой день...» Она как будто готовит нас к какому-то роковому событию, могуществу случиться в этот день. В это же самое время жена Каледина Мария Петровна принимает пришедшую к ней в гости посетительницу — ??? — вдову третьего брата П. Богаевского — Леониллу Серафимовну, хотя в то время было совсем не до гостей... Далее Елизавета Дмитриевна пишет: «Накануне было особенно тревожно. Митрофан Петрович куда-то уходил, на минутку забежал домой, неопределённо говорил о том, что я должна бы кое-что приготовить и себе, и ему, что время тревожное и что надо быть ко всему готовым. Наверху, у Атамана, он задержался до двух часов ночи. Наконец, вернулся: "Боже, как я устал! Ты уж, пожалуйста, вставай, если будут телефонные звонки..." — и заснул. Часов в шесть утра в коридоре слышался шум, быстрые шаги, голос Алексея Максимовича... Я выскочила. "Где он, где Митрофан Петрович? Скорее его будите и пусть немедленно поднимется ко мне..." Буквально в одну минуту Митрофан Петрович был уже готов и побежал к Алексею Максимовичу. Стало страшно ... Он вернулся и передал список людей, которых вызывал Каледин. "Вот тебе адреса и фамилии. Немедленно вызывай всех указанных там лиц в Атаманский дом на заседание..." —

и снова ушёл, а через некоторое время вернулся и сказал: "Слушай, положение катастрофическое... На фронтах всё катится. Получена телеграмма от Добровольческого командования о том, что Добрармия покидает Ростов и вообще уходит из области. Приготовь смену белья и ещё, что знаешь. Вероятно, придётся уходить..." — и ушёл опять, сказав, что скоро зайдёт».

О такой же атмосфере тревоги и страха ровно через год, 29 января 1919 года напишет в «Донских ведомостях» (29 января 1919 г., № 24) в своих воспоминаниях ординарец Каледина А. Данилов: «Последний день из жизни Каледина. Ещё с утра в этот день чувствовалась какая-то тревога, казалось — неизбежно должно было произойти что-то жуткое. Когда около 10 часов в Атаманский дворец стали собираться члены объединённого правительства, то их растерянные лица, нервность и торопливость их движений внушали тревогу, что именно сегодняшней день — страшный день. Настроение у всех было подавленное, суета во дворце усиливалась, каждый спешил узнать последние новости и казалось, чуть ли не у всех на устах только одна фраза: "Спасайся, кто может". Наверху, в комнатах Атамана, была другая атмосфера: здесь можно было отдохнуть и спокойно обсудить созданное положение; только слишком угрюм и серьёзен был сам Атаман. В 10 с половиной часов в кабинете Атамана состоялось последнее заседание, на котором Алексей Максимович, не встречая, как и всегда, поддержки

правления, сложил полномочия. ...Кончилось заседание. С печальными лицами выходили из кабинета члены правительства, предчувствовали они, что видят Атамана в последний раз».

Как видим, воспоминания, ординарца косвенно подтверждают слова Елизаветы Дмитриевны, но как отличаются их наблюдения за обстановкой в Атаманском дворце! Невольно обращаешь внимание на особенно тревожное и неадекватное состояние М. П. Богаевского, что видно из воспоминаний его жены, а Данилов отмечает, наоборот, спокойствие в комнатах Атамана.

Обратимся ещё раз к воспоминаниям Елизаветы Дмитриевны. Она пишет:

«Вскоре стали прибывать члены Правительства, Круга, должностные лица. Началось заседание в 9 часов утра. Мария Петровна спустилась ко мне: “Алексей Максимович распорядился, чтобы Маша (горничная) собрала для меня вещи. ... Что же это такое, Елизавета Дмитриевна?” Вскоре кто-то пришёл к Марии Петровне, её вызвали, и она ушла в свою гостиную (А почему Елизавета Дмитриевна не называет имя посетительницы — ведь это была её родственница — вдова третьего брата П. Богаевского Леонилла Стефановна, но об этом Богаевская написала в своих последних воспоминаниях только в 1972 году, живя в США, в возрасте 85 лет. — *З.М.*). А дальше страшное развернулось быстро и неожиданно. Прошло со-

брание Правительства, на котором Алексей Максимович торопил всех подавать в отставку. Должна была произойти передача власти городу (она была назначена на четыре часа этого же дня, то есть 29 января. — *З.М.*). Члены Правительства стали расходиться. Митрофан Петрович заглянул домой, попросил чистый носовой платок и не успел даже ничего сказать, как послышался крик Г. П. Янова у двери: “Митрофан Петрович, Алексей Максимович застрелился!” Мы бросились наверх, вбежали через кабинет в комнату, в которой жил брат Алексея Максимовича.

На кровати лежал Алексей Максимович, уже мёртвый. Голова немного свесилась на правую сторону, слегка приоткрытый рот (в другом описании — углы сурового рта страдальчески искривлены — а это о многом говорит... при самоубийстве он бы сделал это не вздрогнув, а при убийстве — было бы страдание, моральное страдание — что же будет с теми, кого он оставляет. — *З.М.*). Левая рука на груди, правая вытянулась, уронив револьвер. Митрофан Петрович сложил руки на груди, поправил голову на подушке, обратился ко мне: “Сложи платок и подвяжи подбородок...” (значит, он специально прибежал домой за платком, до выстрела ведь попросил у жены чистый носовой платок? — *З.М.*). Я машинально повиновалась. Он осмотрел ранку в сердце, осмотрел матрац... Пробит насквозь... Полез под кровать, нашёл пулю, которую положил себе в карман, в дальнейшем отдал брату

Африкану. В это время распахнулась дверь и вбежала Мария Петровна с криком: «что ты сделал?» За нею вбежали денщик и горничная, любимый пудель Алексея Максимовича, влетев стрелой, забился в угол под кровать. Вытащить его оттуда было невозможно».

А вот описание, сделанное самим М. П. Богаевским. Чётко указано время: 1918 г, январь, 30, архивный документ ГА РФ, Ф6944, оп. 1, д. 121, Письмо Богаевского М.П. «Донкому музею (рев. Кольта), лист 1, 26-941. Пуля — пронзившая сердце Войскового Атамана А. М. Каледина 29 января 1918г. в половине 3 дня: прошла насквозь, пронзила тюфяк и сплюсцилась на железной сетке. Найдена мною лично возле кровати. Прошу сохранить.

Быв. тов. В. Ат. М. П. Богаевский 1918, Янв. 30. «Где пуля? Абрамов»» — орфография сохранена.

Так кто же точнее пишет? Жена, неизвестно когда написавшая эти строки, или муж, который, по словам его брата Африкана, «сразу покинул Новочеркасск, потому что ему там больше делать было нечего»? Единственным человеком, задавшим этот вопрос истории оказался известный генерал Ф. Ф. Абрамов, разделивший в дальнейшем тяжелейшие испытания казачества при нахождении на греческом острове Лемнос. Светлая память этому патриоту! Остальные все разбежались, как крысы с тонущего корабля. Вот и нам кажется — зачем же в карман, нужно было вызвать следователя для расследования этой смерти, и время позволяло: ещё

10 дней Новочеркасск держал оборону. Елизавета Дмитриевна продолжает: «Мы вышли. Митрофан Петрович вызвал по телефону архиепископа, доктора (В. В. Брыкина, который посылал телеграмму Керенскому о замене атамана Каледина на любого другого казака — см. выше, док. № 104. — З.М.) и оповестил похоронное бюро. Пусто и угрюмо кругом. Двери на улицу открыты, открыты и двери на двор, кругом — ни души». Вот уже намечается круг лиц, участников этого злодеяния, а точнее сказать, — этого убийства. Видимо, и описания эти были сделаны с целью сокрытия этих лиц, потому что вскоре наступила расплата за содеянное: уже 4 февраля был убит Брыкин — его нашли в старом заброшенном колодце с изуродованным лицом. Хотелось бы задать несколько вопросов Елизавете Дмитриевне:

Как не было ни души? На первом этаже было около 15 человек: Карев, Янов, Светозаров, М. Богаевский, адъютант, ординарцы (2 или 3), жена с посетительницей и горничной, денщик, дежурный офицер, был ещё и истопник. Через некоторое время на площади перед Атаманским дворцом стали появляться растерянные фигуры, их становилось всё больше и больше. Тревожные вопросы, гул голосов... А наверху уже наступили приготовления к последнему земному пути Донского Войскового Атамана. ОЧЕНЬ быстро привезли цинковый гроб и, уложив в него тело, перенесли в большой зал. Приехал архиепископ Гермоген, началась первая панихида».

Приходится только удивляться, — в той трагической обстановке накануне падения города, когда многие жители со своим скарбом покидали его, боясь жестокостей со стороны красных — можно ли было за такое короткое время всё это организовать без предварительной подготовки? — значит, кто-то готовил всё это заранее...

А далее Елизавета Петровна пишет:

«Я должна была оставаться возле Митрофана Петровича и думать, что с ним делать, так как последние события его совершенно докончили, и он был в полусне. Посмотрел на меня грустно и сказал: “Эх, догадался Атаман, что мы его хотели силой увезти и спасти... А ведь всё уже было готово с юнкерами!” Мне пришлось увести Митрофана Петровича, который двигался, как автомат. Больше он уже в Атаманский дворец не возвращался. Я увела его после того, как офицер из разведки настоял на этом, уговорив также изменить внешность. Его коротко подстригли и побрили ему усы, несмотря на его протесты. Надо было спешно думать, где ночевать. Мы даже не присутствовали на отпевании и похоронах Алексея Максимовича».

Возникает, естественно, вопрос — почему сразу разбежалось правительство? Удивляет и поведение его председателя: через два часа нужно было закончить передачу власти Городской думе — это было принятое полчаса назад решение правительства, Круга и должностных лиц: этим могли спасти население

города от расправ будущей новой власти. Произошедшие события показали истинное лицо этого правительства во главе со своим председателем, которое саботировало на протяжении нескольких месяцев нормальное управление в Донской области и осложняло обстановку во круг Атамана.

Из последних воспоминаний Е. Д. Богаевской 1972 года, написанных в США, уже в возрасте 85-ти лет: «Начались тяжёлые события на Дону... Леонилла Серафимовна бывает у нас и знакомится с Марией Петровной. Была она при ней и когда Алексей Максимович застрелился...» Местные историки и краеведы (Халдаев Е. В., г. Новочеркасск) подтвердили вышеуказанную информацию, касающуюся Леониллы Серафимовны, она — казачка, дочь офицера, жила на Крещенском спуске в доме матери (Матвеевой). (27).

Не слишком ли много собралось людей из семьи Богаевских, оказавшихся в ту роковую минуту рядом, но в какой роли? И брат Митрофана, генерал Африкан — тут неподалёку, в Ростове. Почему-то Елизавета Дмитриевна упустила эту важную деталь в разворачивающихся событиях 29 января. Алексей Максимович после совещания хотел увидеть Марию Петровну, но, проходя мимо, он увидел её со знакомой посетительницей. Мария Петровна Каледина так описывает это: «Он подошёл к двери в гостиную, где я сидела с гостьей, посмотрел на меня и, не сказав ни слова, ушёл к себе». (28) Он ушёл отдохнуть перед заседанием в город-

ской думе, считая, что ей опасность не угрожает. А для него опасность — была огромная. Самой большой нелепостью или невероятностью этого дня является, конечно, приход «этой гостьи», когда многие жители города, собрав свой скарб, прихватив какую-то еду — в страхе покидают город, через полчаса и правительство разбежалось и попряталось, а к его жене пришла «гостья» — понятно, с какой целью...

Кем-то была поставлена задача: изолировать Алексея Максимовича от близких ему людей, которые должны быть с ним рядом в этот трудный момент, когда решалась судьба Атамана, судьба Донского края, судьба России... Кто-то очень постарался, чтобы его жену, Марию Петровну, отвлекала своей болтовнёй вдова третьего брата П. Богаевского — Леонилла Серафимовна. Партизанские отряды уходили в «Степной поход», Добровольческая армия уходила в «Кубанский поход». И этот «кто-то» поставил своей задачей любой ценой не допустить ухода А. М. Каледина — Донского Атамана. Старший брат Алексея Максимовича, Василий Максимович, тяжело больной раком лёгких, также был отправлен на позиции по защите г. Новочеркаска. Зачем он там понадобился — трудно сказать, но главное, чтобы не было его во Дворце. И в это время в Атаманском Дворце вообще не было охраны.

Митрофан Богаевский, покинув Атаманский дворец, сразу уехал в Ростов к брату. Из воспоминаний А. Богаевского: «На другой день по-

сле кончины А. М. я вечером ушёл в штаб. Едва подошёл к письменному столу в кабинете и зажёл электричество, как из-за ширмы, где стояла кровать, поднялась какая-то тёмная фигура и двинулась ко мне. Это было так неожиданно, что я сразу даже не узнал, кто это был. Оказалось, что в моё отсутствие приехал из Новочеркаска брат, Митрофан Петрович, и, не желая беспокоить меня на квартире, подждал меня в штабе. Брат сильно изменился: похудел и как-то осунулся. Настроение духа у него было крайне удручённое. Он рассказал мне некоторые подробности смерти Каледина. Она произвела на него такое потрясающее впечатление, что он не в силах был оставаться во дворце и в Новочеркаске и уехал с женой в Ростов. Бедный брат чувствовал себя совершенно выбитым из колеи и положительно не находил себе места. В Новочеркаске ему делать уже было нечего. Начиналась агония Дона. Вскоре брат уехал с женой в Сальские степи, где у него было много друзей среди калмыков. Здесь он надеялся успокоиться и быть в безопасности, так как искренне не знал, что калмыки его не выдадут, укроют».

По вышеприведённым описаниям мы видим тяжёлое состояние Митрофана Богаевского. Год назад, в марте 1917-го, после тяжёлой болезни скончалась его единственная дочь, тяжёлая утрата, но он перенёс это и продолжал свою политическую деятельность, участвуя в Петрограде в общеказачьем съезде, выступал на митингах. Смерть же А. М. Каледина

очень сильно повлияла на него. Почему он должен был уезжать к калмыкам и быть там в безопасности — что ему угрожало? Он был уважаемый соратниками Председатель Войскового правительства — и вдруг такая непонятная реакция на смерть чужого для него человека. Митрофан Петрович мечется, убегает из своей квартиры, ему даже переночевать негде, уезжает в Ростов к брату в штаб, где Африкан Петрович встречает его за шторой в кабинете. 4 февраля 1918 г. М. Богаевский приезжает в Новочеркасск, где выступает перед казаками с информацией о смерти А. М. Каледина и даёт своё описание смерти атамана, которое довольно сильно расходится с описанием его жены и других свидетелей.

На Войсковом круге 7 февраля выступил с речью М. П. Богаевский: «...Оставаться у власти с ненавистным именем было нельзя. Для меня наступает время человека отверженного, я бы сказал, каторжника. Я уже имел случай в этом убедиться. После моего ухода из Правительства я был в некоторых знакомых домах. Раньше в этих домах гордились знакомством со мной, а теперь рады, когда я от них уйду. Алексей Максимович лучшую участь избрал. Я этого сделать не могу, да ещё и жить хочется». И опять вопрос — почему сразу отвернулись от уважаемого Председателя правительства его друзья? Ведь сам на себя он не будет клеветать. М. П. Богаевский в своём очерке «29 января 1918 г.» так описывает события этого трагического дня:

«Когда наверху никого не осталось, А. М., видимо, стал искать Марию Петровну, подошёл к столовой, где она вела деловой разговор с посетителем, глянул в дверь и быстрыми шагами прошёл через зал и кабинет в комнату. Снял тужурку и шейный георгиевский крест, лёг на кровать и выстрелил в сердце из большого револьвера системы Кольта.

Выстрела, благодаря коврам на полу, слышно не было, но в комнату очень скоро вошли Мария Петровна и денщик А. М. Крик М. П., заставил чуть живого А. М. повернуть голову и слегка приоткрыть глаза. Но уже не было в них жизни. На кровати уже лежал труп Атамана. В белой рубашке, в подтяжках, в казачьих брюках с лампасами и высоких со шпорами сапогах лежал он, закинув голову на подушке и со скрещёнными на груди руками. И никто ему их не складывал, а сам он, очевидно, выстрелив, имел силы так сложить их, вытянуть ноги и выпрямиться во весь рост». Г. Новочеркасск, 4 февраля 1918 г. А его жена (смотри выше) пишет, что они прибежали первые — это с первого этажа — и Митрофан сложил ему руки на груди, попросив её при этом подвязать подбородок носовым платком...

Внимательно прочитав описание смерти А. М. Каледина от Елизаветы Дмитриевны и Митрофана Петровича Богаевских, приходишь к выводу о противоречивости и неестественности произошедшего — смерть наступила мгновенно, но он повернул голову и приоткрыл глаза, а Мария

Петровна Каледина в это самое время «вела деловой разговор с посетителем», которым оказалась вдова П. Богаевского. От этих описаний и появилась версия самоубийства Каледина, которая представлялась как неоспоримая догма, существующая до настоящего времени. Но если мы вернёмся к вышеописанной характеристике этого боевого генерала, сразу возникают сомнения. Разве мог Георгиевский кавалер, гордость русской армии, совершить самоубийство в исподнем? Спустя две недели появилось и фальшивое предсмертное письмо, лишний раз подтверждающее версию самоубийства.

Далее М. Богаевский вместе с женой бежит — по совету брата Африкана — к калмыкам, в Сальские степи, где был арестован революционным отрядом Голубова в станице Великокняжеской. Там, под арестом, 11 марта 1918 г. он написал известное покаянное письмо к казачеству, (29) в котором призывает казаков сложить оружие и прекратить сопротивление, а борьбу с большевиками называет политической ошибкой. Жаль, что этого уже не слышал Каледин, а то он бы знал, кто находился рядом с ним все эти восемь месяцев. В конце марта М. П. Богаевский был расстрелян в Балабановской роще. Вот цена Председателя правительства, а народ верил ему и ждал великих деяний.

В своих воспоминаниях Я. Лисовой пишет: «За 20 минут до своей смерти мне в штаб позвонил Алексей Максимович, меня на месте не

оказалось. Несколько позже мне передали о том, что мне звонил Каледин. Когда я вспоминаю об этом, мучительно думаю, что он мне хотел сказать? Но могила его нема, также и нем её обитатель...» (не думаю, чтобы А. М. хотел сказать о своём намерении покинуть этот мир; видимо, хотел поделиться предпринимаемыми действиями с человеком, которому доверял... — З.М.)

Такие и подобные им воспоминания дают нам право думать, что А. М. Каледин готовился к дальнейшим активным действиям, он не впал в депрессию и был далёк в своих мыслях и действиях от самоубийства.

Описаний этого жестокого убийства было несколько. Ниже представляемое описание довольно сильно отличается от предыдущего описания самоубийства, здесь фигурируют конкретные фамилии и их действия: (30)

«29-го, в 9 ч. утра, в атаманском дворце было созвано экстренное совещание членов Донского правительства. Каледин сказал: “Добровольческая армия уходит. Для защиты области и Новочеркаска осталось сто сорок семь штыков... Положение наше безнадежно. Население не только нас не поддерживает, но настроено к нам враждебно. Сил у нас нет, и сопротивление бесполезно. Я не хочу лишних жертв, лишнего кровопролития. Предлагаю сложить свои полномочия и передать власть в другие руки. Свои полномочия войскового атамана я с себя слагаю”. М. П. Богаевский сказал: “Я тоже слагаю с себя свои полномочия. Прави-

тельство в целом, разумеется, тоже слагает полномочия. Встаёт вопрос — кому же мы передадим власть?” — “Городской думе” — сухо ответил Каледин. — “В какое время удобнее всего?” — “Позднее, часа в четыре”. — “Господа, короче говорите! Время не ждёт. Ведь от болтовни Россия погибла. Объявляю перерыв на полчаса. Обсудите и... потом поскорее надо кончить это”.

Он ушёл в свою квартиру. Члены правительства, разбившись на кучки, тихо разговаривали. Кто-то сказал о том, что Каледин плохо выглядит. Богаевский стоял у окна, до слуха его дошла фраза, произнесённая Брыкиным полужёпотом: “Для такого человека, как Алексей Максимович, самоубийство — единственный приемлемый выход”. Богаевский вздрогнул, быстрыми шагами направился в квартиру Каледина. Вскоре он вернулся в сопровождении атамана.

Г. П. Янов, принимая из рук швейцара шинель, услышал шум на лестнице, оглянулся. По лестнице прыжками спускался адъютант Каледина — Молдавский. “Доктора скорее!!” Швырнув шинель, Янов кинулся к нему. Дежурный адъютант и ординарцы, толпившиеся в вестибюле, окружили сбежавшего вниз Молдавского. “В чём дело?” — крикнул, бледнея, Янов. — “Алексей Максимович застрелился!” — Молдавский зарыдал, грудью упал на перила лестницы. Выбежал Богаевский; губы его дрожали, как от страшного холода, — он заикался. “Что? Что?” По лестнице, толпой, опережая друг друга,

бросились наверх. Гулко и дроботно звучали шаги бежавших.

Богаевский, хлебая раскрытым ртом воздух, хрипло дышал. Он первый с грохотом откинул дверь, через переднюю пробежав в кабинет. Дверь из кабинета в маленькую комнату около него была широко распахнута. Оттуда полз и курился прогорклый сизый дымок, запах сожжённого пороха. “Ох! Ах! Алёша...” — слышался неузнаваемо-страшный, раздавленный голос Марии Петровны Калединой. Богаевский, как при удушье, разрывая на себе воротник сорочки, вбежал туда. У окна, вцепившись в тусклую золочёную ручку, горбатился Карев. На спине его под сюртуком судорожно сходились и расходились лопатки, он крупно, редко дрожал. Глухое, воюще-звериное рыданье взрослого чуть не выбило из-под ног Богаевского почву.

На походной офицерской койке, сложив на груди руки, вытянувшись, лежал на спине Каледин. Голова его была слегка повёрнута набок, к стене; белая наволочка подушки тенила синеватый влажный лоб и прижатую к ней щёку. Глаза сонно полузакрыты, (видимо, он спал) углы сурового рта страдальчески искривлены. У ног его билась упавшая на колени жена. Вязкий, одичавший голос её был режущо остр. На койке лежал кольт. Мимо него извиристо стекала по сорочке тонкая чёрнорудая струйка. Возле койки, на спинке стула, аккуратно повешен френч, на століке — часы-браслет. Криво качнувшись, Богаевский упал на колени, ухом припал к тёплой и мягкой гру-

ди. Пахло крепким мужским потом. Сердце Каледина не билось. Богаевский, — вся жизнь его в этот момент ушла в слух, — несказанно жадно прислушивался, но слышал только чёткое тиканье лежавших на столике ручных часов и хриплый, захлёбывающийся голос жены мёртвого уже атамана».

Во всех описаниях указывается, что окно в его комнате было открыто (и это в январе месяце), через которое, видимо, и ушёл убийца, прыгнув со второго этажа. Как видим, в момент смерти около него не было никого: ни жены — у неё была посетительница, неизвестно, где был дежурный офицер (кто его отвлёл? — *З.М.*), где был адъютант Молдавский? Где были 2 или 3 ординарца? Где был денщик? А была ещё и горничная Марии Петровны. И хотя все были во дворце, рядом с ним никого не оказалось. Убийство готовилось исключительно тщательно и кем-то из ближайшего окружения... Вот почему взрослые мужчины-воины рыдали навзрыд — они-то сразу поняли свою вину перед ним, не смогли уберечь своего Атамана, своего вождя, их ведь тоже отвлекли.

На похоронах Атамана его ближайших соратников и помощников не оказалось, — совершив своё преступное деяние, они первыми бежали из города, бросив свой народ. Народ же хоронил своего героя с большими почестями. Вспомним и А. П. Леонова, давшего такую меткую характеристику М. П. Богаевскому:

«Богаевский М.П. — личность симпатичная, поступает быстро,

решительно и — не всегда справедливо. Военного казачьего быта не знает. Можно сомневаться, что ему был известен и гражданский строй, человек умный и ловкий». Обратим внимание: жену удивляют его частые отлучки накануне совещания, после которых он приходил такой измученный и утомлённый, что просто падал на диван, и она видела, что он что-то надумал, и это её очень волновало. Одновременно она пишет о большой тревоге, которую она ощущала, и ожидании роковой развязки.

В мае 1918 года Донским Атаманом был П. Н. Краснов; с февраля 1919 года — Африкан Петрович Богаевский — цель достигнута. Когда он умер в эмиграции, его сын, Борис Африканович, просил у казаков согласия на перенос праха отца на Родину, но казаки ему отказали. Видимо, они знали больше, чем знаем сейчас мы.

Хоронили А. М. Каледина очень торжественно. Протяжно, по-пóстовому гудел соборный колокол, созывая горожан помолиться о душе Атамана-мученика. Бесконечные вереницы народа тянулись к собору. Траурные одежды, расстроенные лица ясно показывали: то, что случилось, было ужасно. Что за неожиданной смертью Атамана должно последовать что-то ещё более ужасное для Дона. В лице погибшего Атамана волнующийся от большевизма Дон — терял всё. Собор был переполнен молящимися... Такое количество народу можно было видеть только под Св. Пасху.

«Сверкали электрические люстры, паникадило... Масса духовенства — с двумя архиереями во главе, в золотых облачениях, с полным хором войсковых певчих в голубых кунтушах служили панихиду. Торжественно, особенно молитвенно шла служба. Серебристые отголоски войскового хора терялись где-то высоко, в мрачной пустоте громадного купола. Горячо молились присутствующие, не одно заглушённое рыдание слышалось отовсюду; как от дуновения ветра всколыхнулась толпа и опустилась на колени при пении “Вечная память”...» (31). Такие торжественные похороны и самоубийство... — это просто несовместимые вещи. А все наши уважаемые литераторы, историки, архивисты дружно повторяют друг за другом не задумываясь: «Самоубийство».

Могила А. М. Каледина — место поклонения всех русских людей, приезжающих на Дон. На могилу приносят цветы. На могиле истово крестятся и с благоговением вспоминают выборного Донского атамана и первого Атамана-мученика. Однажды на могиле была найдена бумажка и на ней — несколько строк, написанных женской рукой. Приводим их для характеристики того настроения, которое владеетходящими на могилу: (32)

«Пусть все, кто придёт к могиле твоей, А т а м а н, прочтут и моё надгробное слово. Я не сказала его в день твоего погребения потому, что среди той толпы было больше равнодушных и любопытных, чем среди

тех, кто придёт теперь, когда уже лежишь ты в могиле и никаких любопытных зрелищ для толпы нет.

Спи спокойно, светлый русский человек, низко кланяюсь молчаливому страданию твоему и скорби твоей безысходной. Всё сделал ты, что мог, в борьбе за истинную светлую свободу края, болел за измену детей своих — казаков, всё отдал им, выбравшим тебя и не поддержавшим, всё — даже жизнь. Немногие и теперь поняли тебя, но я верю, что недалеко то время, когда имя твоё будет произноситься не со злобой, как часто при жизни твоей, а с любовью и благоговением, как произношу его я. Горьким опытом поймут тебя твои дети-казаки, но как больно и страшно, что уходят лучшие люди, любящие Россию, нужные ей, неподкупные, не знающие личных интересов, а остаются и влияют на темноту те, для которых власть и деньги — всё, и нет ничего светлого.

Спи, родной, прими прощальный привет от неродной тебе не-ка-зачки».

Со смертью Алексея Максимовича Каледина Россия потеряла великого патриота, гениального полководца; его соратники, товарищи потеряли большого друга, не раз выручавшего их из беды; один из них — начальник штаба 8-й армии, генерал Н. Н. Стогов, участник Луцкого прорыва. Находясь рядом с А. М. Калединым в этом ответственном сражении, дал ему высокую оценку, защищая память уже покойного генерала от незаслуженных

упрёков. В заключение он сказал: «Каледин был человек, старавшийся удивительно далеко заглянуть вперёд, оценивая каждое предприятие и мероприятие не только с точки зрения его исполнимости и непосредственных результатов, а много дальше — в смысле влияния на всю войну и даже... на будущее государства. Это свойство, во всяком случае, незаурядных людей и помню, как я иногда подумывал: “Эх, быть бы тебе в Ставке, быть может, многого удалось бы избежать и многое повернуть иначе!”» (33).

А теперь Алексей Максимович Каледин лежит в безымянной могиле старого городского кладбища вблизи церкви Дмитрия Солунского в г. Новочеркасске.

«Когда погибает человек, достойный всяческого восхищения, это больно и обидно. Вдвойне обидно, если такой человек погибает при обстоятельствах, не позволяющих за него даже помолиться. Каледин — человек безусловно достойный всяческого восхищения. “Светлым атаманом” называл его известный исследователь Белого Движения А. Кручинин. Он стал первым белогвардейским генералом, погибшим в Гражданскую войну. К слову сказать, усилиями А. М. Каледина была спасена от разгрома 48-я пехотная дивизия, которой командовал Корнилов. Алексей Максимович никогда не забывал, что полководца создают его бойцы. Гибель его трагична и загадочна. Самоубийц не отпевают, не хоронят на кладбищах, рядом с храмом. Но здесь — особый

случай. Если даже он и заблуждался в своём выборе, то он восхищает нас в этом заблуждении...» (34).

Генерал Т. М. Стариков, последний командир 4-го Донского конного корпуса, писал о Каледине: «В каждом народе в моменты высокого напряжения и духовного подъёма выдвигались замечательные люди... Таких людей имело и Донское казачество: Ермак Тимофеевич, Степан Разин, Кондратий Булавин, граф Платов, историк Сухоруков и другие. В современную эпоху Великой войны, необычайного напряжения страны, революционного порыва, казачество выдвигает на первое место казака-героя-полководца, казака-гражданина-демократа — Алексея Максимовича Каледина.

Войско Донское своим коллективным разумом и чувством выдвигает на высокий пост Атамана человека с большими воинскими и гражданскими доблестями, самыми высокими устремлениями которого были: свобода, порядок, государственность. А. М. Каледин явился тем фокусом, в котором сосредоточилось всё казачье миропонимание. Он наилучшим образом отразил переживаемую эпоху, моральную и культурную высоту казачества, его духовную сущность. Он — воин и гражданин, борец за свободу и порядок. Что Казачество видело в Алексее Максимовиче идеал своих стремлений, доказывается всей последующей борьбой его за истинную свободу, равноправие, народоправство, за казачью самобытность, за Казачество в целом, за русскую го-

сударственность — т.е. за то, к чему звал Атаман» (35).

Уже 103 года казаки всех континентов нашей планеты 29 января (11 февраля по новому стилю) вспоминают и чтут память своего великого Атамана. А в своём Отечестве лежит он в безымянной могиле на городском кладбище, дом, в котором родился он и отец его, и дед, и прадед, простоявший больше ста лет, был снесён в 1933 году, а хутор переименован в честь красноармейца Блинова... Может быть, настало время исправить ошибки нашей истории и вернуть бывшее название — хутор Каледин, который взрастил нам столько героев и защитников земли русской, начиная с основателя рода Дмитрия Каледина, жившего ещё во времена Екатерины II.

В последние годы в нашей стране идёт пересмотр многих ошибочных толкований российской истории и меняется отношение ко многим незаслуженно забытым героям. На «Русской линии» 31 октября 2020 г. появилась статья М. Быкова «Вечная память Георгиевскому кавалеру Алексею Каледину».

25 октября 2020 г., в день рождения первого выборного Атамана, генерала Каледина, в Патриаршем Воскресенском войсковом казачьем соборе в Новочеркасске — по инициативе Скобелевского комитета России и при участии мемориально-просветительского и историко-культурного центра «Белое Дело» — состоялось освящение киота с иконой святителя Алексия, митрополита Московского, небесного по-

кровителя Георгиевского кавалера и «серебряной шашки Российской империи». Торжества открылись Божественной литургией, которую в присутствии множества казаков и атамана Всевеликого войска Донского Виталия Бобыльченко совершил настоятель собора, протоиерей Георгий Сморкалов. После богослужения состоялся Крестный ход вокруг храма, после которого Александр Алекаев официально передал в дар собору киот с иконой святителя Алексия. Затем состоялось его торжественное освящение, завершившееся панихидой по генералу Каледину.

На киоте прикреплена золотая табличка с надписью: «Вечная память Георгиевскому кавалеру,

Киот, посвященный А.М. Каледину, в соборе г. Новочеркасска

Кадеты на могиле А.М. Каледина — отдание почестей

генералу от кавалерии, донскому Атаману Алексею Максимовичу Каледину и всему христойлюбивому казачеству за веру, честь и достоинство Отечества живот свой положивших». С большим воодушевлением и радостью было это принято казаками Донской области. Да и могилу Алексея Максимовича Каледина хорошо бы как-то обозначить, чтобы можно

было поклониться его праху — ведь её место давно известно, а приезжающие его родственники и почитатели походят в трёх метрах от храма, поклонятся на четыре стороны этим героям-защитникам земли русской и не знают, куда же им цветы положить. А тут недалеко и Чернецов лежит, и генерал Назаров, и атаман Волошинов, и много-много других...